

Кори доктороу

Перевод Елены Токаревой

An illustration of a young man with short dark hair, looking directly at the viewer with a serious expression. He is wearing a bright red t-shirt, dark pants, and light-colored sneakers. A black backpack is slung over his shoulders. He is walking on a dark, reflective surface that shows his shadow. The background is a textured, light blue-grey wall.

младший
брат

18+

Popcorn books. Младший брат

Кори Доктороу
Младший брат

«Popcorn books»

2008

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

Доктороу К.

Младший брат / К. Доктороу — «Popcorn books»,
2008 — (Popcorn books. Младший брат)

ISBN 978-5-6048362-2-4

Маркусу всего семнадцать, но волею судьбы он становится подозреваемым в теракте, который произошел в центре Сан-Франциско. Департамент внутренней безопасности отправляет Маркуса в секретную тюрьму, где его подвергают пыткам. Вскоре его отпускают, однако, выйдя на свободу, Маркус обнаруживает, что в городе установлен полицейский режим...

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-6048362-2-4

© Доктороу К., 2008
© Popcorn books, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Кори Доктороу Младший брат

© Елена Токарева, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books, 2023

Text copyright © 2008 by Cory Doctorow

Cover art copyright © Richard Wilkinson

Посвящается Элис – рядом с ней я становлюсь собой

Глава 1

Я живу в Сан-Франциско, в солнечном районе Мишен-Дистрикт, и учусь в выпускном классе школы имени Сезара Чавеса, а значит, за мной следят так, как никогда не следили ни за кем на свете. Меня зовут Маркус Яллоу, но до начала этой истории я был больше известен под ником w1n5t0n. Произносится «Винстон».

И не вздумайте произносить это как «Дабл-ю-один-эн-пять-ти-ноль-эн». Так говорят только бестолковые школьные чиновники, настолько отстающие, что до сих пор называют интернет «информационной магистралью».

Я лично знаю одного такого тупицу. Это Фред Бенсон, по должности один из трех замдиректора нашей школы, а по сути – язва двенадцатиперстная. Но если уж нам положен надзиратель, пусть лучше он будет бестолочью, чем знатоком.

Однажды в пятницу утром из динамика школьной системы оповещения прогремел его голос:

– Маркус Яллоу!

Наша система громкой связи и так-то никуда не годится, а уж если учесть привычку Бенсона бормотать себе под нос, то получается не школьное объявление, а бессвязное урчание, словно чей-то желудок пытается переварить несвежий бутерброд. Но люди так устроены, что хорошо улавливают в потоке звуков свои имена. Эта привычка заложена в нас инстинктом, и иногда она помогает спасти жизнь.

Я схватил сумку, прикрыл ноутбук на три четверти – не хотел, чтобы загрузки слетели, – и приготовился к неизбежности.

– Немедленно явиться в администрацию.

Мисс Галвес, учительница обществознания, бросила на меня выразительный взгляд, и я ответил тем же. Старик имел на меня зуб, потому что я с легкостью проникал через школьные файрволлы, обманывал систему распознавания походки и рвал в клочья следящие чипы, которыми нас обвешивали с ног до головы. Однако Галвес, добрая душа, никогда на меня не сердилась – наверно, потому что я помог ей наладить электронную почту, чтобы она могла общаться с братом, служившим в Ираке.

Мой приятель Дэррил подловил момент, когда я шел мимо, и отвесил шлепок. С Дэррилом мы дружим с пеленок, вместе прогуливали занятия в детском саду, и из-за меня он то и дело влипает в неприятности – правда, я же его из них вытаскиваю. Я победным жестом вскинул руки над головой, покинул урок обществознания и поплелся в администрацию.

На полпути у меня в кармане зазвонил телефон. В нашей школе телефоны под строгим запретом – но разве меня этим напугаешь? Я свернул в туалет, заперся в средней кабинке – дальняя всегда бывает хуже всех, потому что люди направляются прямо туда, считая, что она чище, однако наилучшие решения всегда скрываются посередине. Проверил телефон – оказалось, мой домашний компьютер прислал сообщение о том, что поступили новости от «Харадзюку Фан Мэднесс», лучшей игры всех времен и народов.

Отлично. Вот и хороший повод свалить с занятий. Сидеть в школе по пятницам – тоска зеленая.

Я вприпрыжку преодолел остаток пути до Бенсона, вплыл в дверь и приветливо помахал.

– Да это же Дабл-ю-один-эн-пять-ти-ноль-эн собственной персоной, – любезно встретил меня Фредрик Бенсон: номер в системе социального страхования 545-03-2343, родился 15 августа 1962 года, девичья фамилия матери Ди Бона, место рождения Петалума. Ростом он намного выше меня. Я со своими ста семьдесятю двумя сушью карлик перед его двухметровой громадой. Его лучшие баскетбольные дни остались далеко позади, и грудные мускулы, когда-то могучие, безобразно отвисли и колыхались под извечными футболками поло – бес-

платными рекламными подарками от какой-то компании. Вид у него всегда был кровожадный – того и гляди оторвет тебе голову. А для пушшего эффекта говорил он только на повышенных тонах. Но когда слышишь это по многу раз, перестаешь обращать внимание.

– Как-как? Это что-то вроде R2D2? – Я невинно захлопал глазами. – Простите, никогда о нем не слышал.

– W1n5t0n, – повторил он по буквам, впился в меня испепеляющим взором и стал ждать, пока я увяну. Разумеется, это был мой ник, я пользовался им уже много лет, постил сообщения на форумах, когда вносил свой вклад в дело исследования прикладных систем безопасности – то есть смывался с уроков, отключая устройства, вычисляющие местонахождение телефона. Но он-то не знал, что этот ник мой. Знали лишь немногие, те, кому я полностью доверял.

– Гм, мне это ни о чем не говорит, – упорствовал я. Под этим ником я проделал немало интересного – например, придумал, как отключать следящие чипы, чем и горжусь. Если Бенсон сумеет сопоставить эти две стороны моей личности, мне не поздоровится. К счастью, никто в школе, даже близкие друзья, не называет меня W1n5t0n или даже Винстоном. Для всех я Маркус – только так, и не иначе.

Бенсон откинулся на спинку кресла и нервно побарабанил пальцами по пресс-папье. Он так всегда делает, когда чувствует, что дела не клеятся. В покере для таких вещей даже специальный термин есть – «теллс», наводка то есть. Знак, который дает понять, что творится у противника в голове. Наводки Бенсона я знаю вдоль и поперек.

– Маркус, надеюсь, ты понимаешь, что дело серьезное.

– Обязательно пойму, сэр, как только вы объясните, в чем дело. – Я всегда обращаюсь к власти имущим «сэр», когда прикалываюсь над ними. Это моя собственная наводка.

Он покачал головой и опустил глаза – еще одна наводка. Вот-вот разорется.

– Слушай, малый, пойми наконец, что мы знаем обо всех твоих проделках и не собираемся спускать тебе это с рук. И если тебя сегодня же не вышвырнут, считай, тебе повезло. Хочешь нормально закончить школу?

– Мистер Бенсон, вы так и не объяснили, в чем же дело...

Он хлопнул ладонью по столу и погрозил мне пальцем.

– Дело, мистер Яллоу, в том, что ты организовал преступный сговор с целью подорвать школьную систему безопасности и снабдил своих товарищей средствами обхода защитных мер. Тебе известно, что на прошлой неделе мы отчислили Грасиелу Уриарте за то, что она использовала одно из твоих устройств.

Да, Грасиеле влетело по первое число. Она купила в какой-то лавчонке у метро на Шестнадцатой улице передатчик радиопомех и включила его в школьном коридоре. Я тут ни при чем, но мне ее жаль.

– И вы думаете, тут замешан я?

– У нас есть надежные доказательства, что w1n5t0n – это ты. – Он опять произнес это по буквам и цифрам. Видимо, даже не догадывается, что 1 – это i, а 5 заменяет s. – Нам известно, что этот w1n5t0n в прошлом году похитил задания к контрольным работам. – На самом деле это сделал не я, но та кража была выполнена красиво, и даже стало лестно, что ее приписывают мне. – И следовательно, он рискует сесть за решетку на несколько лет, если ты не станешь сговорчивее.

– Говорите, у вас есть надежные доказательства? А можно на них взглянуть?

Он пригвоздил меня взглядом.

– С таким отношением ты делу не поможешь.

– Если у вас есть доказательства, сэр, полагаю, вы можете вызвать полицию и передать дело им. Как я понимаю, вопрос очень серьезный, и мне бы не хотелось стоять на пути у полноценного расследования, проводимого компетентными органами.

– Хочешь, чтоб я вызвал полицию?

– И еще хорошо бы позвать моих родителей.

Наши взгляды скрестились над столом. Он, видимо, ожидал, что под его натиском я быстро сдамся. Не дождется! У меня есть особая манера изводить таких, как Бенсон. Я устремляю взгляд чуть левее его головы и повторяю про себя слова старинной ирландской песенки, бесконечной, строк на триста. При этом вид у меня получается спокойный и безмятежный, а противник тушует.

«Крылышко у птички, а птичка на яичке, яичко в гнезде, а гнездо на листе, а листик на прутике, а прутик на веточке, а ветка на суку, а сук тот на дубу, а дуб на болоте, на том, что в долине, о-о, о-о-о... На страшном болоте, что в страшной долине, о-о, о-о-о...»

– Так уж и быть, возвращайся в класс, – сдался он наконец. – Я тебя позову, когда понадобишься полиции.

– Может быть, лучше вызвать их прямо сейчас?

– Вызвать полицию – процедура сложная. Я-то надеялся уладить дело с тобой легко и быстро, но раз ты такой упрямый...

– Давайте я подожду их вместе с вами, – вызвался я. – Не волнуйтесь, я не спешу.

Он опять забарабанил пальцами, и я сжался в ожидании взрыва.

– Вон отсюда! – заорал он. – Прочь из моего кабинета, паршивец!

Я вышел, храня невозмутимое выражение. Ни в какую полицию он не позвонит. Если бы у него было что им предъявить, он бы их первым делом позвал. Просто он меня терпеть не может. Должно быть, услышал какие-то сплетни и понадеялся, что, если меня хорошенько припугнуть, я сам все выложу. Еще чего!

В прекрасном настроении я направился по коридору, стараясь шагать ровно и размеренно, чтобы камеры, различающие людей по походке, уж наверняка опознали бы меня. Этими игрушками у нас вся школа утыкана. Система настолько идиотская, что просто прелесть. Установили ее в прошлом году. До этого на каждом углу стояли камеры распознавания лиц, но суд признал, что они противоречат Конституции. В итоге Бенсон с другими такими же параноиками из школьной администрации грохнул деньги из школьного бюджета на эти дурацкие аппараты, которые вроде бы должны были по походке отличать одного человека от другого. Ага, как же.

Я вернулся в класс и сел на место. Мисс Галвес поздравила меня с возвращением. Я распаковал школьный ноутбук и вошел в учебный режим. Эти скулбуки тут главные шпионы, регистрируют каждое нажатие, просматривают трафик, вылавливая подозрительные ключевые слова, отмечают каждое движение мышки, читают любую мимолетную мысль, какую вас угрозило выложить в интернет. Нам их вручили в прошлом году, и как только народ вычислил, что эти «бесплатные» игрушки стучат на нас да в придачу вываливают тонны назойливой рекламы, то их блестящий лоск сразу потускнел. Шпионские машины легли на плечи тяжким бременем.

Взломать школьный ноутбук оказалось делом плевым. Уже через месяц после того, как нам раздали эти машинки, в сети появился крик, и ничего сложного в нем не было – всего лишь скачать образ DVD-диска, записать его на болванку, вставить в скулбук и загрузить, держа нажатыми определенные клавиши. Остальное проделывал инсталлятор, записанный на диск. Он ставил на компьютер кучу скрытых программ, спрятанных настолько хорошо, что их не могла обнаружить даже учебная часть, ежедневно выполнявшая удаленную проверку машин. Время от времени приходилось ставить обновления, чтобы ускользать от новейших способов этой проверки, но это было не так уж сложно – вполне приемлемая цена за то, чтобы иметь хоть какую-то власть над собственным компьютером.

Я запустил IMParanoid – секретный мессенджер, в котором можно было незаметно пообщаться прямо посреди урока. Дэррил был уже в сети.

> Эй, слышь! В игре новый этап начинается. Ну что, рванем?

> Ни за что. Если меня застукают в третий раз, точно выпрут. Сам знаешь. Давай лучше после уроков.

> Сейчас будет большая перемена, а потом самостоятельные занятия. Это целых два часа. Успеем сбежать, выполнить задание и вернуться. Нас не хватятся. Соберу всю команду.

«Харадзюку Фан Мэднесс» – лучшая на свете игра. Я это уже говорил, но не грех и повторить. Это ARG – игра в альтернативной реальности. По сюжету компания японских подростков нашла в храме Харадзюку чудодейственный целительный камень. Поясню: Харадзюку – это район Токио, место, где зародились все крутые японские подростковые субкультуры последних лет. Так вот, за ребятами охотятся злобные монахи, жестокая якудза – японская мафия, таинственные инопланетяне, налоговые инспекторы, родители и в придачу взбесившийся искусственный интеллект. Организаторы посылают игрокам зашифрованные сообщения, мы должны разгадать их, найти место, где спрятана новая подсказка, разгадать и ее тоже, и так далее, и тому подобное.

Представьте себе, как прекрасным теплым днем вы бродите по улицам города, выискиваете неизвестно что, всматриваетесь во всяких чудиков, читаете объявления на столбах, заглядываете в магазинчики и лавчонки в поисках секретных знаков. Добавьте сюда увлекательную охоту за скрытыми намеками, ради которых надо пересмотреть множество старых-престарых фильмов, переслушать кучу песен, вникнуть в тонкости подростковой культуры со всего света и со всех времен. И все это выстроено как соревнование между командами по четыре человека, в котором победителей ждет главный приз – десять дней в Токио. Эти счастливчики будут гулять по мосту Харадзюку, зависать в гиковских магазинчиках Акихабары, привезут домой кучу сувениров с Астро-Боем. Правда, в Японии его называют Атом-Боем.

Вот что такое «Харадзюку Фан Мэднесс»! Стоит вам решить головоломку-другую, и пиши пропало – вы уже не сможете оторваться.

> Нет, старик. Ни за что. Даже не проси

> Дэр, ты мне нужен. Ты лучше всех в команде. Я сделаю так, что мы выберемся из школы и вернемся обратно, и никто ничего не заметит. Ты же знаешь, что мне это под силу, верно?

> Знаю

> Ну так что, идем?

> Сказал же, нет

> Да ладно тебе. Вряд ли на смертном одре ты пожалеешь, что слишком мало просиживал штаны на уроках

> Вряд ли я на смертном одре пожалею, что слишком мало играл в ARG

> Но, может быть, на смертном одре ты пожалеешь, что слишком мало бывал с Ванессой Пак?

Ван – девчонка из моей команды. Она учится в женской частной школе в Ист-Бэй, и я знал, что она вырвется оттуда и пойдет со мной на эту миссию, чего бы ей это ни стоило. Дэррил не сводит с нее глаз уже много лет. Он начал сохнуть по ней еще до того, как период полового созревания одарил ее приятными округлостями. Дэррил полюбил ее не за красоту, а за умственные способности. Печально, но факт.

> Чтоб тебя

> Значит, идешь?

Он посмотрел на меня и покачал головой. Потом кивнул. Я подмигнул ему и стал налаживать связь с остальной командой.

* * *

Я не всегда увлекался ARG. Открою вам свою страшную тайну: раньше я был ролевиком. Играл в настоящие ролевые игры, действие которых происходит не в альтернативной, а в обычной нашей реальности. Разгуливал в причудливых костюмах, говорил, коверкая слова, изображал то супершпиона, то вампира, то средневекового рыцаря. Веселухи не меньше, чем когда гонщики на монстр-карах устраивают «взятие флага», но при этом с примесью школьного драмкружка. Самые крутые игры затевались в скаутских лагерях за городом, где-нибудь возле Сономы или на Полуострове. Эти трехдневные эпопеи были нехилым испытанием. Мы проводили целые дни в пеших походах, затевали геройские битвы на бамбуковых мечях в пенопластовой оболочке, накладывали друг на друга чары, бросаясь фасолинками из мешочков и крича «Огненный шар!», – словом, чего только не вытворяли. Классная развлекуха, хоть и немного глуповатая. Уж всяко лучше, чем, сидя за столом, заваленным банками диет-колы и цветными картинками, обсуждать с такими же чудиками очередной замысел твоего эльфа. И для здоровья полезнее, чем целыми днями зависать перед компьютером, еле шевеля мышкой, в какой-нибудь многопользовательской игре.

Больше всего шишек на наши головы валилось во время мини-игр в отелях. Всякий раз, когда в городе проходил фестиваль научной фантастики, кто-нибудь из наших ролевиков убеждал организаторов, что для полноты картины неплохо бы подключить к делу и нас. И мы затевали в арендованных залах беготню часиков на шесть. Толпа восторженных ребятишек в нелепых костюмах, конечно, добавляла мероприятию красочности, а нам было приятно порезвиться среди людей еще более повернутых, чем мы.

Но беда была в том, что не всем постояльцам отелей нравится такая кутерьма. В тех же коридорах обитают нормальные люди. Которые не ходят на голове, не читают фантастику. Они просто приехали отдохнуть. Из глухих провинциальных штатов.

И эти люди не всегда правильно воспринимали особенности наших игр.

Впрочем, хватит об этом.

* * *

До конца урока осталось всего десять минут, и времени на подготовку было совсем мало. Первым делом надо было одолеть эти настырные камеры идентификации людей по походке. Как я уже говорил, сначала в школе поставили систему распознавания лиц, но она была признана не соответствующей Конституции. Насколько мне известно, еще ни один суд не успел решить, соответствуют ли Конституции эти шагомерные системы, и, пока юристы разбираются, нам придется как-то приспособливаться.

Походка – это ваша манера двигаться. Она у каждого своя. Люди хорошо различают ее. Когда в следующий раз окажетесь на природе с ночевкой, обратите внимание, как покачивается фонарь, когда к вам из темноты направляется друг. Скорее всего, вы, глядя на лучик света, издали поймете, кто там идет. Наши обезьяньи мозги прекрасно улавливают микроскопические особенности давно знакомых движений.

Программы распознавания походки фотографируют ваши движения, пытаются выделить на картинке ваш силуэт и сравнивают этот силуэт с базой данных, чтобы понять, кто вы такой. Это такой же биометрический идентификатор, как отпечатки пальцев или рисунок сетчатки, однако дает гораздо больше коллизий. Биометрической коллизией называется ситуация, при которой результаты измерений могут принадлежать не одному человеку, а сразу нескольким. Ваши отпечатки пальцев свойственны только вам, но похожей манерой двигаться могут обладать разные люди.

Нет, конечно, люди ходят не совсем одинаково. Ваша походка, если измерить ее очень тщательно, сантиметр за сантиметром, свойственна только вам и больше никому. Но беда в том, что ваша скрупулезно измеренная походка может меняться в зависимости от внешних обстоятельств: от того, сильно ли вы устали, чем выстлан пол, не потянули ли вы лодыжку на уроке физкультуры и не жмут ли новые ботинки. Так что система рисует ваш профиль немного расплывчато и выискивает людей, которые ходят примерно как вы.

Но дело в том, что на свете есть множество людей, которые ходят примерно как вы. Мало того, вам и самому не составит труда изменить походку – достаточно снять один ботинок. Конечно, в этом случае вы будете ходить так, как всегда ходите в одном ботинке, и камеры рано или поздно вычислят, что это все равно вы. Вот почему я добавляю в свои атаки элемент случайности – подсыпаю в каждый ботинок горсточку гравия. Дешево и сердито, и каждый шаг будет отличаться от других. В придачу к этому вы получите прекрасный рефлексологический массаж обеих стоп. (Шучу, шучу. От рефлексологии как науки пользы примерно столько же, как от распознавания походки.)

Поначалу камеры настроили так, чтобы они включали тревогу, если на территорию школы ступит нога незнакомого им человека.

Ух, что тут началось!

Тревога включалась каждые десять минут. Когда почтальон приносил письма. Когда приходили чьи-то родители. Когда ремонтная бригада чинила инвентарь на спортплощадке. Когда кто-нибудь из учеников являлся в новых ботинках.

Теперь система просто пытается отслеживать, кто, где и когда находится. Если кто-то выходит через ворота во время уроков, система проверяет, совпадает ли его походка с кем-нибудь из учеников, и если да, то сирена поднимает бешеный вой.

Дорожки на школьной территории усыпаны мелким гравием. Я всегда держу в сумке пригоршню-другую, просто на всякий случай. Я неслышно протянул Дэррилу штук десять-пятнадцать крошечных острых камушков, и мы зарядили ботинки.

Урок вот-вот закончится. И вдруг я вспомнил, что так и не заглянул на сайт «Харадзюку Фан Мэднесс» посмотреть следующую подсказку! Слишком увлекся подготовкой побега и даже не удосужился вычислить, куда мы, собственно говоря, бежим.

Я включил свой скулбук и пробежался пальцами по клавиатуре. Веб-браузер поставлялся вместе с машиной. Это была защищенная шпионская версия Internet Explorer, глючное майкрософтовское барахло, которым не пользуется ни один разумный человек моложе сорока лет.

У меня на флешке в часах был записан браузер Firefox. Но и это еще не все. На скулбуках работала Windows Vista4Schools, древняя операционная система, дающая школьным администраторам иллюзию того, что они могут контролировать, какие программы ученикам разрешено ставить, а какие нет.

Но Vista4Schools – сама себе злейший враг. На скулбуке установлено множество программ, которые вы по ее замыслу не должны отключать. Это, например, клавиатурные перехватчики, регистрирующие каждое нажатие клавиш, фильтрующие программы, не дающие доступа куда не положено. И у всех этих программ есть особый режим, делающий их невидимыми для системы. Вы не можете закрыть их, потому что даже не видите, как они работают.

Любая программа, название которой начинается с \$SYS\$, невидима для операционной системы. Она не значится ни в директориях жесткого диска, ни в списке процессов диспетчера задач. Именно поэтому моя копия Firefox называется \$SYS\$Firefox, и, когда я запускаю ее, она становится невидимкой и для Windows, и для шпионских программ.

Теперь у меня есть автономный браузер, и нужно найти свободный от прослушки выход в интернет. Школьная сеть регистрирует каждый шаг и каждый клик, она не допустит, чтобы ты в учебное время развлекался на сайте «Харадзюку Фан Мэднесс».

Для таких целей придумана весьма хитроумная штукавина – TOR, или луковый маршрутизатор. Эта сеть с многослойной переадресацией представляет собой интернет-сайт, который принимает запросы на посещение нужных тебе веб-страниц и перенаправляет их на другой луковый сервер, а тот – на третий, и так далее. Наконец один из этих узлов сочтет нужным заглянуть на заданную страницу и передать информацию обратно через сотни слоев «луковых одежек», пока она не вернется к тебе. Весь трафик луковых серверов зашифрован, а значит, школа не видит твоих запросов, при этом слои луковицы не знают, на кого они работают. В луковичной сети миллионы узлов. Эта система была создана американским Управлением военно-морских исследований, чтобы помочь обойти цензуру в таких странах, как Сирия или Китай, поэтому она идеально подходит для работы в обычной американской школе.

Браузер TOR работает потому, что в школе существует закрытый «черный список» подозрительных интернет-адресов, на которые нам запрещено заходить. А адреса узлов в луковой системе постоянно меняются, и школа не в состоянии отследить их все. Используя Firefox вместе с TOR, я становлюсь невидимкой, надежно укрытым от пристального взгляда школьного руководства. Я могу свободно зайти на сайт «Харадзюку ФМ» и посмотреть, что там затевается.

А вот и оно, новое задание. Как обычно бывает в этой игре, у него есть физическая, онлайн-овая и умственная составляющие. Онлайн-овый компонент – это головоломка, которую надо решить, предварительно найдя ответы на множество непростых вопросов. На этот раз вопросы вертятся вокруг сюжетов додзинси – фанатского творчества, созданного любителями манга, японских комиксов. Книжки додзинси по толщине не уступают исходным комиксам манга, однако гораздо закрученнее, в них куча переплетающихся сюжетных линий и часто попадаются дурацкие песенки и бестолковые выходки. И конечно, полным-полно любовных историй. Каждому хочется увидеть, как их любимые персонажи мутят друг с другом.

Разберусь с этими головоломками вечером, когда вернусь домой. Их лучше решать всей командой. Каждый загружает себе сотни файлов додзинси и перелопачивает их, выискивая ответы.

Едва я записал все задания в блокнот, как прозвенел звонок, и мы приступили к побегу. Я украдкой высыпал гравий в голенища своих «бландстоунов» родом из Австралии – коротких, до щиколотки, сапог. В них очень удобно бегать и карабкаться, к тому же они не имеют шнурков, поэтому легко снимаются и надеваются при проходе через рамки металлоискателей, которые нынче понатыканы на каждом шагу.

Еще, конечно, надо было ускользнуть от зоркого учительского глаза, но это день ото дня становилось все легче и легче. Наша дорогая администрация без конца добавляла к наблюдательным контурам очередные примочки, и с каждым новым колокольчиком или свистком в их душах крепла уверенность в том, что система абсолютно надежна и непроницаема. Мы в толпе двинулись по коридорам, направляясь к моему любимому боковому выходу. И на полпути Дэррил вдруг прошептал:

– Черт! Совсем забыл! У меня же в сумке библиотечная книга!

– С ума сошел? – Я втащил его в подвернувшийся туалет. С библиотечными книгами шутки плохи. В переплет каждой из них вклеены РЧИДы – маячки для радиочастотной идентификации. Проведя такой книгой перед считывающим устройством, библиотекарь регистрирует выдачу, и сразу становится ясно, все ли учебники в шкафу на месте или чего-то не хватает.

Но к тому же по этим маячкам школа может следить за тобой. Вот вам еще один пробел в законодательстве: суд запрещает школам следить за учениками, однако отслеживать библиотечные книги не возбраняется, а выяснить, кто какую книгу взял, не так уж сложно.

У меня всегда при себе «чехол Фарадея» – кожаный мешочек с подкладкой из медной сетки. Он прекрасно блокирует радиоволны, заглушая маячки. Но такие чехольчики делаются для нейтрализации всякой мелочи вроде карточек, удостоверений личности и дорожных транспондеров для проезда по платным трассам, а не книг толщиной с...

– Неужели «Введение в физику»? – простонал я. Этот талмуд был размером с энциклопедический словарь.

Глава 2

– Ты же знаешь, в Беркли я хочу специализироваться по физике, – сказал Дэррил. Его отец преподавал в Калифорнийском университете Беркли, поэтому сын имел право на бесплатное обучение там. И в семье Дэррила никогда не стоял вопрос, куда ему идти после школы.

– Хорошо, но ты что, не мог изучать ее онлайн?

– Папа сказал, надо прочитать. И вообще, сегодня я не планировал никаких преступлений.

– Прогулять школу не преступление. А просто небольшое правонарушение. Почувствуй разницу.

– Маркус, что нам делать?

– Ну, спрятать ее я не могу, поэтому придется спалить.

Убить радиомаячок – это непростое искусство, сродни черной магии. Производители нарочно не сочиняют для таких маячков радиосигнал-убийцу, которым можно принудительно выключить устройство, потому что в противном случае злонамеренные покупатели будут бродить по магазинам, оставляя за собой груды слепых и глухих товаров, потерявших свой невидимый штрих-код. Имея нужное оборудование, радиомаячки можно перепрограммировать, но у меня рука не поднимается проделывать это с библиотечными книгами. Это почти так же плохо, как вырывать страницы, потому что книгу с перепрограммированным маячком невозможно поставить на нужную полку и потом найти на своем месте. Она превращается в иголку в стоге сена.

Оставалось только одно: спалить эту штуковину. В буквальном смысле. Тридцать секунд в микроволновке гарантированно превратят любой маячок в безмолвную железку. Когда Дэррил вернет книгу в библиотеку, она не отзовется на запрос, тогда для нее просто изготовят новый маячок, запишут на него всю необходимую каталожную информацию и благополучно водрузят на полку.

Осталось только найти микроволновку.

– Через две минуты перемена закончится, и в учительской не останется ни души, – пообещал я.

Дэррил выхватил книгу и шагнул к двери.

– Даже не думай. Ни за что. Я возвращаюсь в класс.

Я схватил его за локоть и потащил обратно.

– Да ладно тебе. Все будет хорошо.

– В учительскую? Маркус, ты, наверно, не расслышал. Если я попадусь еще хоть раз, то меня точно выгонят. Понял? Вы-го-нят.

– Да не попадешься ты, – заверил я. Когда начнется урок, в учительской уж точно никого не останется. – Мы войдем с черного хода.

В комнате отдыха была небольшая кухонька, имевшая отдельный вход на случай, если кто-то из учителей заскочит выпить кофе. Там на маленьком холодильничке стояла микроволновка, пропахшая попкорном и пролитым супом.

Дэррил застонал. Я лихорадочно соображал.

– Слушай, звонок уже прозвенел. Если сейчас пойдешь в класс самоподготовки, тебе засчитают опоздание. Уж лучше вообще не показываться. А я могу запросто проникнуть в любое помещение на школьной территории и так же легко выйти оттуда. Ты уже видел, как я это проделывал. Не бойся, братан, с тобой ничего не случится, я этого не допущу.

Он опять застонал. Это одна из наводок Дэррила: начал хныкать – значит, вот-вот уступит.

– Пошли, – сказал я. И мы тронулись в путь.

Все прошло без сучка без задоринки. Мы обогнули учебный корпус, спустились по черной лестнице в подвал, вышли оттуда по парадной лестнице и очутились прямо перед учительской. Из-за двери не доносилось ни звука. Я неслышно повернул ручку, втащил Дэррила внутрь и без единого шороха закрыл дверь.

С тех пор как я заходил сюда в прошлый раз, микроволновка стала еще грязнее.

– Ну и свиньи же у нас учителя, – выругался я. Дэррил, бледный и напуганный, промолчал. Я аккуратно завернул книгу в бумажные полотенца. Она еле-еле уместилась внутри.

Радиомаячок погиб, рассыпавшись фонтаном ярких искр. Красивое зрелище, хоть и не такое впечатляющее, как фейерверк, который происходит, если положить в микроволновку замороженную виноградину. Эффект поразительный – пока не увидите своими глазами, не поверите.

Теперь осталось только незаметно просочиться со школьной территории, и только нас и видели.

Дэррил открыл дверь, шагнул было наружу, я за ним по пятам. Миг – и он стоит у меня на мысках, упираясь локтями мне в грудь, и пятится, заталкивая меня обратно в микроскопическую кухню.

– Отходим! – с жаром прошептал он. – Живее! Там Чарльз!

Мы с Чарльзом Уокером не ладили. Учились в одном классе, знали друг друга с тех же самых пор, с каких я знаю Дэррила, но на этом сходство заканчивается. Чарльз всегда был рослым для своих лет, а теперь, когда занялся американским футболом и стал принимать гормоны, вымахал еще крупнее. Он никогда не умел сдерживать свою злость – в третьем классе в драке с ним я лишился молочного зуба – и, чтобы ему не влетало за жестокие выходки, заделался главным школьным стукачом.

Хулиган, который в придачу ябедничает, это кошмар. Он с превеликим удовольствием докладывал учителям обо всех проступках своих товарищей, даже о самых незначительных. Бенсон в нем души не чаял. Чарльз пустил слух, что у него какие-то трудноопределимые проблемы с мочевым пузырем, и под этим предлогом без конца отпрашивался в туалет, а сам бродил по школьным коридорам и высматривал себе жертву.

Именно из-за его стукачества мне в свое время пришлось бросить ролевые игры. Не хватало только снова попасться ему на глаза.

– Что он делает? – спросил я.

– Сюда идет, вот что, – отозвался Дэррил. Его трясло.

– Ладно, – сказал я. – Пора принимать экстренные меры предосторожности.

Я достал телефон. На такой случай у меня имелся давно заготовленный план. Скоро Чарльз поймет, что со мной лучше не связываться. Я отправил электронное письмо на домашний сервер, он ожил и стал выполнять заложенные в него команды.

Через несколько секунд телефон Чарльза забился в судорогах. На него одновременно обрушились десятки тысяч случайных звонков и эсэмэсок, и взбесившийся аппарат весело чирикал, щебетал, верещал и трезвонил на разные голоса, не умолкая ни на миг. Атака проводилась через ботнеты, и за это мне было немного стыдно, однако ради благой цели все средства хороши.

Ботнеты – это места, где зараженные компьютеры ведут свою незримую жизнь. Когда вы подцепите червя или вирус, компьютер пошлет сообщение об этом в IRC – ретранслируемый интернет-чат. В этом сообщении ваш комп известит ботмастера, который и подпустил вам червя, о том, что готов выполнять любые его приказы. Ботнеты – штука очень мощная, потому что они могут объединять тысячи, даже десятки тысяч компьютеров, разбросанных по всему интернету и подключенных к хорошему высокоскоростному каналу. И эти тысячи быстрых домашних машин, в обычное время мирных и послушных своему владельцу, по приказу ботмастера внезапно восстают, как зомби из могил, и начинают повиноваться его воле.

В интернете так много зараженных компьютеров, что цена, запрашиваемая за аренду ботнета на часок-другой, резко упала. Чаще всего такие сети используются дешевыми спамерами, которые наводняют ваш почтовый ящик всем чем угодно – от рекламы таблеток для эрекции до новых вирусов, которые заражат ваш компьютер и подключат его к ботнету.

Я арендовал всего лишь 10 секунд работы трех тысяч персональных компьютеров, и каждый из них отправил на телефон Чарльза текстовое сообщение или голосовой IP-вызов. Спрашиваете, откуда я знаю номер Чарльза? Подсмотрел на бумажке на столе у Бенсона во время одного судьбоносного визита в его кабинет.

Ясное дело, телефон Чарльза был к таким сюрпризам не готов. Оснащения не хватало. Сначала эсэмэски под завязку заполнили память, и аппарат стал захлебываться на простейших операциях – он уже не мог ни подавать звуковые сигналы, ни регистрировать номера входящих звонков, разумеется фальшивые. Кстати, знаете ли вы, что вызывающий номер очень легко подменить? Введите в поисковик «подмена телефонных номеров», и вам предложат штук пятьдесят разных способов.

Чарльз ошалело уставился на свой взбесившийся телефон, пошевелил густыми бровями, стал яростно тыкать пальцем во все кнопки, пытаясь изгнать бесов, вселившихся в его самый любимый и близкий аппарат. До этой минуты мой план работал безукоризненно, но дальше что-то пошло не так. Я рассчитывал, что Чарльз уйдет, забьется в какой-нибудь укромный уголок и станет думать, как починить свихнувшуюся трубу. А он торчал на месте. Тут Дэррил тряхнул меня за плечо, и я нехотя отвел глаза от щелочки между дверью и косяком.

– Что он там делает? – шепнул Дэррил.

– Я ему мобилу вырубил. А он никуда не уходит, только стоит и пялится на нее.

Вернуть к жизни его девайс будет нелегко. Придется повозиться. Поскольку память забита до отказа, он не сможет загрузить программу, которая одним махом сотрет все груды мусора. А функции «Удалить все сообщения» в его телефоне нет, поэтому придется ему вручную выковыривать одну за другой все эти тысячи эсэмэсок.

Дэррил отодвинул меня и прильнул к щели одним глазом. Через мгновение его плечи заходили ходуном. Я было испугался, решил, что он бьется в истерику, но нет: он обернулся, и стало ясно, что он хохочет. Еле сдерживается, чтобы не заржать в голос, аж слезы по щекам текут.

– Его Галвес застукала. Видел бы ты, какую она ему дала взбучку! Оттаскала по полной программе – и за то, что прогуливает уроки, и за телефон в придачу.

Мы торжественно пожали друг другу руки, выскользнули в коридор, спустились по лестнице, вышли через боковой вход, миновали школьную ограду – и вот оно, теплое послеполуденное солнышко! Мы шли по улице Валенсии, и никогда еще наш родной район не казался таким прекрасным.

Я посмотрел на часы и охнул:

– Идем скорей! Через двадцать минут мы должны быть у фуникулера! Там ждут все наши.

* * *

Ван заметила нас первой. Она смешалась с группой корейских туристов – это ее любимый способ маскироваться, когда прогуливает. Еще до появления платформ, куда каждый может наступать на прогульщика, в мире было полным-полно не в меру любопытных лавочников и прочих лицемеров – они с превеликим удовольствием снимали сачкующих студентов и выкладывали фотки в интернет на радость школьной администрации.

Ван откололась от толпы и направилась к нам. Дэррил был без ума от нее с ранних лет, и она милостиво делала вид, будто ничего не замечает. Она обняла меня, шагнула к Дэррилу и по-сестрински чмокнула его в щеку, отчего он залился краской до ушей.

Забавная из них пара. Дэррил немного полноват, хотя двигается легко, лицо у него розоватое, и, стоит ему хоть чуть-чуть пробежаться или разволноваться, щеки наливаются ярким пунцовым румянцем. Лет в четырнадцать он сумел отрастить бородку, однако после недолгого периода, прозванного в нашей компании «эпохой Линкольна», к счастью, стал бриться. И он высок. Очень, очень высок. Как баскетболист.

А Ван на полголовы ниже меня и худющая, как щепка. Длинные черные волосы она заплетает в замысловатые косички, почерпнутые в интернете. Лицо у нее красивого медного оттенка, глаза темные, руки унизаны толстыми стеклянными браслетами, которые позвякивают, когда она танцует.

– А где Джолу? – спросила она.

– Привет, Ван, как поживаешь? – придушенным голосом спросил Дэррил. Рядом с ней он всегда отстает от беседы на один шаг.

– Отлично, Дэр. А как ощущаешь себя ты – в целом и в мелких деталях?

Безжалостный она человек. Дэррил чуть в обморок не хлопнулся.

От прилюдного позора его спас Джолу, еще один из нашей великолепной четверки. Его полное имя – Хосе-Луис Торрес. Он щеголял в просторной кожаной куртке, модных кроссовках и бейсболке с сеточкой на затылке и начертанным спереди именем Эль Санто – младшего – нашего любимого мексиканского борца. Джолу учится в католической школе в Аутер-Ричмонде. Там очень строгие правила, и ускользнуть оттуда нелегко. Но ему это всегда удается – никто не умеет просачиваться через контрольные системы лучше, чем наш Джолу. Куртка ему нравилась, во-первых, потому, что была длинная, а это в некоторых районах города считалось очень стильным, а во-вторых, под ней легко скрывалась католическая школьная форма, которая как магнит притягивала любителей совать нос не в свои дела – при виде учеников в такой форме они хватались за телефон и сообщали о прогульщике в школу.

Наконец все перездоровались, и я спросил:

– Ну что, готовы? – Я достал телефон и показал недавно скачанную карту. – Как я понимаю, нам опять надо идти вверх до Никко, потом один квартал до О’Фаррелл, затем налево к Ван-Несс. Где-то там ловить беспроводной сигнал.

Ван наморщила носик.

– Не могли найти местечко получше.

Возразить было нечего. Этот район считался очень стремным. Выйдите из отеля «Хилтон» через парадный вход – и очутитесь в самом популярном туристическом месте: конечная станция фуникулера, уютные семейные ресторанчики. Но покиньте отель с другой стороны – и вы в Тендерлойне, злочном месте, где тусуются прибабахнутые проститутки-трансвеститы, шныряют прилипчивые сутенеры, перешептываются наркоторговцы и шатаются бездомные. До товаров, которыми там промышляют, никто из нашей четверки еще не дорос, хотя немало девчонок нашего возраста торгуют там собой.

– С другой стороны, – сказал я, – если там и появляться, то только при дневном свете. Никто из игроков носа туда не сунет по меньшей мере до завтра. И у нас появится великолепнейшая фора.

– Тебя послушать, так все не так уж плохо, – ухмыльнулся Джолу.

– Уж всяко лучше, чем жрать морских ежей, – отозвался я.

– Будем болтать дальше или займемся наконец делом? – осведомилась Ван. Она в нашей команде самая фанатичная – после меня, конечно. Всей душой стремится к победе и ни за что не отступит.

И мы, четверо верных друзей, тронулись в путь, чтобы расшифровать подсказку и победить в игре. Знали бы мы, что в конце пути навсегда лишимся всего, что нам было дорого.

* * *

Физической стороной сегодняшнего задания был набор GPS-координат – они были разными для всех крупных городов, в которых шла игра «Харадзюку Фан Мэднесс». По этим координатам надо было найти точку доступа в сеть Wi-Fi. Ее сигнал нарочно глушился другой точкой, замаскированной так, что ее нельзя было найти обычным вайфайндером – крошечным устройством величиной с брелок, которое сообщает, имеется ли недалеко от вас чья-нибудь открытая точка доступа с бесплатным выходом в сеть.

От нас требовалось найти расположение «скрытой» точки, измеряя сигнал «видимой». О том, что цель близка, говорило место, где сигнал таинственным образом слабел. Здесь нас ожидала другая подсказка – в прошлый раз это было фирменное дневное блюдо в «Андзу», шикарном суши-ресторане в отеле «Никко» посреди Тендерлойна. Владелец «Никко» была авиакомпания «Джапан Эйрлайнс», один из спонсоров «Харадзюку Фан Мэднесс», и, когда мы наконец вычислили подсказку, весь персонал поднял вокруг нас невиданную суету. Нам налили супа мисо, заставили попробовать уни – это такие суши с икрой морских ежей, по консистенции они похожи на мягкое масло, а по запаху – на собачий понос. Но на вкус – объединение. Об этом рассказал Дэррил. Лично я эту дрянь в рот не возьму.

Я поймал сигнал Wi-Fi телефонным радиопеленгатором кварталах в трех вверх по О'Фаррелл, недалеко от перекрестка с Гайд-стрит, у дверей сомнительного заведения под названием «Азиатский массажный салон», где на окне мигала красная табличка «Закррито». Сеть называлась «ХарадзюкуФМ», значит, мы на верном пути.

– Если оно не здесь, я дальше не пойду, – предупредил Дэррил.

– У всех есть искатели? – спросил я.

У Дэррила и Ван были телефоны со встроенными пеленгаторами. А Джолу у нас крутышка и не признает телефонов размером больше мизинца, поэтому пользуется автономным брелочком.

– Итак, расходимся и прочесываем. Ищем место, где уровень сигнала резко падает, и направление, в котором он ослабевает еще сильнее.

Я шагнул назад и наступил кому-то на ногу. За спиной охнул женский голос, и я резко обернулся. Наверно, сломал каблук какой-нибудь ошалелой шлюхе и за это получу перо в бок.

Но вместо шлюхи я очутился нос к носу с девчонкой моих лет. Копна ярко-розовых волос, лицо остренькое, как у мышонка, огромные солнечные очки, в которых, наверно, не страшно сесть за штурвал самолета. На ней было черное старушечье платье, увешанное десятками мелких японских побрякушек – тут и герои аниме, и мировые лидеры прошлых эпох, и эмблемы заграничной газировки. Из-под платья торчали ноги в полосатых колготках.

Девчонка подняла фотоаппарат и щелкнула меня вместе с командой.

– Улыбочку, – сказала она. – Вас снимает скрытая камера.

– Только попробуй, – угрожающе произнес я.

– И попробую, – пообещала она. – Через тридцать секунд отправлю ваше фото в систему отслеживания прогульчиков. Ваше единственное спасение – свалить отсюда и дать нам с подругами обшарить это место. Можете вернуться через час и продолжить поиски. По-моему, очень даже справедливо.

За спиной у нее стояли еще три девицы в похожих прикидах. У одной волосы были синие, у другой зеленые, у третьей фиолетовые.

– Это что у вас за леденцовая бригада?

– Наша команда вчистую размажет вас в «Харадзюку Фан Мэднесс», – заявила она. – А я сию же секунду загружу вашу фотку, и вам ой как не поздоров...

Ван рванулась вперед. Я даже не услышал это, а скорее почувствовал. Ее девчачья школа славится жестокими потасовками, и у Ван хватит сил разделить эту красотку под орех.

И в это мгновение наш прежний мир полетел ко всем чертям.

Сначала мы ощутили, как тошнотворно, головокружительно всколыхнулся асфальт под ногами. С этим инстинктивно знаком каждый калифорниец. Землетрясение! В первый миг мне, естественно, захотелось убежать и спрятаться. «Если страшно, не молчи – топай, бегай и кричи!» Однако я быстро сообразил, что мы и так находимся в самом безопасном месте. Не в здании, которое вот-вот рухнет, не посреди дороги, где нам на головы будут сыпаться обломки опорных конструкций, вылетающих из соседних домов.

Землетрясения – по крайней мере вначале – происходят в жуткой, зловещей тишине. А сейчас тишины не было и в помине. В воздухе стоял оглушительный гул – я такого громкого никогда не слышивал. Он пронизывал тело до мозга костей, давил так, что подкосились колени. И не только у меня. Дэррил схватил меня за руку и указал куда-то вверх, над крышами домов. Там, на северо-востоке, где-то над Заливом, медленно вздымалось к небу огромное черное облако.

Снова загрохотало, черная туча разрослась, расплзлась в стороны зловещим грибом, какой мы много раз видели в кино. Там что-то взорвалось. Что-то очень большое.

Опять гроыхнуло, опять затряслась земля. Из окон стали высовываться люди. И все в молчании смотрели на черный дымный гриб.

Потом взвыли сирены.

Такие сирены я уже слышал много раз – по вторникам в полдень проводятся испытания систем гражданской обороны. Но внезапно, не по графику, они включаются только в старых фильмах о войне да в видеоиграх, когда кто-то кого-то бомбит. Сирены воздушной тревоги. От их заунывного воя все происходящее казалось еще нереальнее.

– Немедленно укройтесь в убежищах! – прогремело, будто глас божий, со всех сторон сразу. Никогда раньше не замечал, что на некоторых электрических столбах установлены громкоговорители. И теперь они заголосили все разом. – Немедленно укройтесь в убежищах!

Каких еще убежищах? Мы растерянно переглянулись. Облако медленно, неудержимо росло. Может быть, оно ядерное? И мы вот-вот испустим последний вздох?

Девчонка с розовыми волосами подхватила подружек, и они помчались вниз, к станции метро у подножия холма.

– НЕМЕДЛЕННО УКРОЙТЕСЬ В УБЕЖИЩАХ!

Поднялся крик и гвалт, все куда-то бежали. Кинулись врассыпную туристы – их легко отличить, они считают, что в Калифорнии всегда тепло, и, приезжая в Сан-Франциско, стучат зубами в шортах и маечках.

– Надо сматываться! – проорал мне в ухо Дэррил. Я его еле расслышал сквозь этот гвалт. К воздушной тревоге присоединились и обычные полицейские сирены. Мимо с воем промчался десяток патрульных машин.

– НЕМЕДЛЕННО УКРОЙТЕСЬ В УБЕЖИЩАХ!

– Идем к метро! – крикнул я в ответ. Друзья кивнули, и мы тесной кучкой торопливо зашагали по улице, идущей под уклон.

Глава 3

Дорога к станции «Пауэлл-стрит» была запружена народом. Одни бежали, другие шли, кто-то молча плелся, побледнев от ужаса, кто-то вопил и метался в панике. Бездомные забились под козырьки подъездов и в ужасе взирали на все это, а рослый чернокожий трансвестит орал что-то двум молодым усачам.

Чем ближе к метро, тем плотнее становился людской поток. На лестнице, ведущей вниз, началась настоящая давка. Огромная толпа раскачивалась, толкалась и пихалась, силясь втиснуться в узкий коридор. Меня прижало щекой к чьей-то широкой спине, в спину уперся тяжелый кулак.

Дэррилу удавалось держаться рядом со мной – такого великана не отпихнешь. За ним, буквально цепляясь за пояс, плелся Джолу. А Ванессу людской поток отнес на несколько метров в сторону.

– Ах ты, гад! – услышал я ее пронзительный вопль. – Убери руки, подонок!

Я вытянул шею и сквозь толпу разглядел, как какой-то прилично одетый старикашка пытается прижаться к Ван, а она испепеляет его взглядом. Она копалась в сумочке, и я догадался, что она там ищет.

– Не газуй его! – заорал я, перекрывая гвалт. – Нас всех зацепишь!

При слове «газуй» старикашка испуганно попятился, но людской поток упрямо выталкивал его вперед. Чуть поодаль женщина в хипповском платье пошатнулась и упала. Я слышал ее крики, видел, как она барахтается, пытаясь встать, однако напор был слишком велик. Оказавшись ближе, я хотел ей помочь, наклонился, и меня самого чуть не опрокинули. Толпа понесла меня дальше, и я нечаянно наступил ей на живот, но, по-моему, она уже ничего не чувствовала.

Мне было страшно как никогда. Со всех сторон кричали, под ногами все чаще попадались тела, а сзади толпа неумолимо напирала, как бульдозер. В голове крутилась только одна мысль: удержаться бы на ногах.

Мы очутились в просторном вестибюле с турникетами. Тут было не лучше: в замкнутом пространстве голоса отражались от стен, громыли гулким эхом и звенели в голове, а от запаха и напора бесчисленных тел накатил приступ клаустрофобии. Вот уж не знал, что я ею страдаю!

А сверху по лестнице прибывали все новые и новые люди, давка перед турникетами стала еще сильнее, толпа спускалась по эскалатору и выплескивалась на платформу, и стало ясно: ничем хорошим это не кончится.

– Может, попробуем выбраться наверх? – предложил я Дэррилу.

– Да, – горячо поддержал он. – Тут нам хана.

Я поглядел на Ванессу – она меня не услышит. Тогда я сумел достать телефон и набрал ей сообщение.

> Уходим отсюда

Я видел, как она ощутила вибрацию телефона, посмотрела на экран и с жаром кивнула мне. Тем временем Дэррил связался с Джолу.

– Что будем делать? – прокричал мне на ухо Дэррил.

– Пробираться к выходу! – Я указал на сплошную стену человеческих тел.

– Не получится! – воскликнул он.

– Проторчим тут еще минуту, и тогда точно не получится!

Он пожал плечами. Ван чудом протолкалась ко мне и схватила за руку. Я вцепился в Дэррила, он другой рукой стиснул плечо Джолу, и мы двинулись в путь.

Сказать, что было нелегко, – не сказать ничего. Сначала мы продвигались дюйма на три в минуту, ближе к лестнице темп снизился еще сильнее. И все, мимо кого мы проталкивались,

встречали нас отнюдь не радостно. Нас обругивали последними словами, а один парень, казалось, охотно двинул бы мне кулаком, если бы сумел высвободить руки. Под ноги попались еще трое упавших, но я ничем не мог им помочь. Честно сказать, в голове уже вообще не осталось мыслей о помощи. Я лишь выискивал перед собой хоть щелочку пространства, чувствовал на руке сильные пальцы Дэррила, мертвой хваткой сжимал Ван, идущую сзади.

Миновала вечность, и мы выскочили на свободу, как пробки от шампанского, шурясь от серого дымчатого света. Сирены воздушной тревоги всё еще завывали, их перекрывал рев машин скорой помощи, мчавшихся по Маркет-стрит. На улицах не осталось почти никого – все отчаянно пытались пробиться в метро. Многие плакали. Я заметил пустые скамейки – обычно на них тусуются алкаши – и двинулся туда.

Шли мы осторожно, пригибаясь и шарахаясь от воя сирен. И почти у самых скамеек Дэррил вдруг завалился вперед.

Мы завопили, Ванесса подхватила его и повернула к себе. На боку по рубашке расплзалось большое красное пятно. Она задрала край рубашки – на пухлом боку алела длинная глубокая рана.

– О господи! Видать, какой-то мерзавец в толпе пырнул его ножом, – стиснул кулаки Джолу.

Дэррил застонал, поднял глаза на нас, потом поглядел на раненый бок, опять застонал, и голова бессильно откинулась назад.

Ванесса скинула джинсовую куртку, сняла хлопчатый джемпер, скомкала и прижала к ране.

– Приподними ему голову, – велела она мне. – Так и держи. – Потом повернулась к Джолу: – А ты приподними ему ноги. Куртку подсунь, что ли.

Джолу не стал мешкать. У Ванессы мама медсестра, и Ван каждое лето в лагере проходит курс первой помощи. Обожает смотреть и потешаться, когда в кино, помогая раненым, люди совершают кучу глупостей. Я был рад, что она с нами.

Мы долго сидели, зажимая рану джемпером. Дэррил утверждал, что с ним все хорошо, и порывался встать, но Ван всякий раз приказывала ему заткнуться, а не то получит по шее.

– Может, позвоним в 911? – предложил Джолу.

Ну и болван же я! Выхватил телефон, быстро набрал номер. В ответ услышал даже не сигнал «занято» – скорее жалобный стон дико перегруженной телефонной системы. Так бывает, если три миллиона человек одновременно пытаются набрать один и тот же номер. Кому нужны ботнеты, когда на свете есть террористы?

– А если посмотреть в Википедии? – сказал Джолу.

– Нет связи – нет данных, – ответил я.

– Может, их попросим? – Дэррил указал куда-то по улице. Я проследил его взгляд, ожидая, что увижу полицейских или парамедиков, но там никого не было.

– Ты лежи, старик, отдохни, – сочувственно произнес я.

– Да нет же, болван, я вон о них, о копах в машине! Вон там!

И верно. Каждые пять секунд мимо нас пролетали то полицейская машина, то скорая помощь, то пожарный фургон. Они могли бы нам помочь. Я и впрямь болван.

– Пойдем, – сказал я. – Выйдем туда, где нас смогут увидеть, и остановим кого-нибудь.

Ванессе эта затея не понравилась, но я счел, что в такой день, как сегодня, полиция, увидев на обочине машущего мальчишку, и не подумает притормозить. А вот если увидят Дэррила, истекающего кровью, то, может быть, остановятся. Мы заспорили. Распрю прекратил Дэррил – встал, пошатываясь, и заковылял к Маркет-стрит.

Первая машина – скорая помощь – с воем пролетела мимо, даже не сбавив ход. Точно так же просвистела машина полиции, потом пожарная, потом еще три полицейских. Дэррилу

становилось все хуже – он побледнел как полотно и тяжело дышал. Джемпер Ванессы насквозь промок от крови.

Мне осточертело смотреть на пролетающие мимо машины. Завидев следующую, я выскочил прямо на дорогу, замахал руками, заорал: «Стой!» Машина замедлила ход, и я только тогда разглядел, что это не скорая помощь, не полиция и не пожарные.

К нам ехал джип военного образца, что-то вроде бронированного «хаммера», только безо всяких военных опознавательных знаков. Взвизгнув шинами, автомобиль остановился прямо рядом со мной. Я отскочил, не удержался на ногах и грохнулся на асфальт. Открылась дверь, перед лицом замелькали ноги в тяжелых ботинках. Из фургона высыпал целый отряд людей с военной выправкой, в защитных комбинезонах, лица скрыты под противогазами, в руках тяжелые навороченные винтовки.

И не успел я и глазом моргнуть, как все эти винтовки нацелились на меня. Мне до сих пор не доводилось видеть перед собой ружейное дуло, но все рассказы об ощущениях, которые испытываешь в этот миг, чистая правда. Вы замираете как вкопанный, время останавливается, в ушах колотится кровь. Я открыл рот, потом закрыл, потом медленно, очень медленно поднял руки перед собой.

Безликий, безглазый человек держал меня на мушке, и винтовка в его руках не дрогнула. Я затаил дыхание. Ван что-то кричала, и Джолу тоже кричал, я обернулся к ним, и в тот же миг мне на голову накинута колючий мешок и затянули на шею – так проворно и сильно, что я едва успел глотнуть воздуха. Потом меня грубо и деловито перекатали на живот, заломили руки за спину, дважды скрутили чем-то жестким, вроде пластиковых стяжек. Они больно впились в кожу. Я вскрикнул, но мешок не пропустил ни звука.

Меня окружила крошечная темнота. Я напряг уши, пытаюсь понять, что происходит с друзьями. Слышал сквозь мешковину их приглушенные крики. Меня поставили на ноги, грубо дернув за связанные руки. Плечевые суставы отозвались острой болью.

Я споткнулся, чья-то рука наклонила мне голову и втокнула в «хаммер». Вслед за мной запихнули еще несколько человек.

– Ребята! – закричал я и заработал тяжелый подзатыльник. Услышал ответный крик Джолу, потом такой же подзатыльник, доставшийся ему. Голова загудела, как колокол. – Послушайте, – сказал я солдатам. – Мы обыкновенные школьники. Я хотел остановить вас, потому что мой друг истекал кровью. Ему в толпе всадили нож. – Понятия не имею, многое ли из моих слов просачивалось сквозь плотную мешковину. Но я все равно продолжал: – Поймите, тут какое-то недоразумение. Мы хотели доставить нашего друга в больницу...

Мне на голову опять обрушился удар. Похоже, дубинкой или чем-то еще. Никогда меня еще не били так сильно. Перед глазами все поплыло, хлынули слезы, я буквально не мог вдохнуть. Через мгновение стало легче, но я приумолк. Урок пошел впрок.

Что это за отморозки? Знаков различия нет. Может, террористы? До сих пор я не очень-то верил в террористов. Точнее, знал теоретически, что где-то на свете есть какие-то террористы, но не считал, что они представляют опасность лично для меня. Этот мир способен делиться с вами миллионом различных способов – для начала, например, вы можете очутиться на пути у пьянчуги, бредущего по Валенсии. И все эти способы гораздо более вероятны и неотвратимы, чем террористическая угроза. От рук террористов погибло гораздо меньше народу, чем в результате падения в ванной или от случайного удара электричеством. Опасения насчет встречи с ними всегда казались мне столь же обоснованными, как страх перед ударом молнии.

Но, трясаясь на заднем сиденье этого «хаммера», с мешком на голове, связанными руками и набухающими кровоподтеками, я вдруг остро ощутил, что терроризм – штука вполне реальная.

Машина, раскачиваясь, карабкалась вверх по склону. По моим прикидкам, мы направлялись куда-то на Ноб-Хилл и, судя по уклону, выбрали не самый пологий маршрут – должно быть, по Пауэлл-стрит.

Потом начался столь же крутой спуск. Если меня не обманывает пространственная память, путь лежал к Рыбацкой пристани. Для террористов маршрут вроде бы вполне логичный – там можно сесть на катер и уйти в море. Но за каким чертом террористам понадобилось похищать компанию школяров?

Машина остановилась прямо на склоне. Мотор заглох, двери распахнулись. Меня вытащили за руки, повели, подталкивая, по бугристой мостовой. Через несколько секунд я споткнулся о ступеньку железной лестницы и больно ушиб лодыжки. В спину подтолкнули еще сильнее. Со связанными за спиной руками я стал осторожно подниматься. Преодолею третью ступеньку, стал нащупывать четвертую, но ее не было. Я опять чуть не упал, меня снова подхватили, на сей раз спереди, поволокли по железному полу, поставили на колени и пристегнули руки к чему-то за спиной.

Послышались шаги, и я почувствовал, как рядом со мной приковывают других пленников. Стоны, приглушенные звуки. Смех. Потом время будто остановилось. На целую вечность я остался в безмолвном сумраке, где слышалось только мое сдавленное дыхание да бродили в голове горькие мысли.

* * *

Я даже ухитрился немного поспать – стоя на коленях с пережатыми венами на ногах, с застилающим свет мешком на голове. За тридцать минут организм выбросил в кровь годовой запас адреналина – на пике воздействия это вещество придает вам столько сил, что вы с легкостью поднимаете автомобиль, наехавший на ваших близких, или перепрыгиваете через высоченные преграды. Но последствия всегда мучительны.

Проснулся оттого, что кто-то стянул с меня мешок. Человек действовал не грубо и не заботливо, просто равнодушно. Словно работник «Макдоналдса», готовящий бургеры.

Комнату заливал яркий свет, и я зажмурился. Приоткрыл глаза сначала чуть-чуть, потом еще немного и наконец осмотрелся.

Мы все сидели в крытом кузове огромной большегрузной фуры. Через равные промежутки виднелись колесные арки. Здесь устроили нечто вроде передвижного командного пункта вместе с тюрьмой. Вдоль стен тянулись стальные столы, над ними висели тонкие мониторы на суставчатых консолях, позволявших разворачивать их кольцом перед операторами. Перед каждым столом стояло роскошное офисное кресло с бесчисленными рукоятками, позволявшими регулировать каждый миллиметр сидячего пространства, а также высоту, глубину и наклон.

В передней части кузова, подальше от дверей, была устроена тюрьма. Ее отгораживали стальные брусья, привинченные к стенам, и к этим брусьям были прикованы пленники.

Я сразу заметил Ван и Джолу. Дэррил, наверно, где-то в глубине, но разглядеть его было невозможно – человек десять других прикованных пленников сидели, бессильно ссутулившись, и полностью закрывали обзор. В воздухе висел резкий запах пота и страха.

Ванесса поймала мой взгляд и прикусила губу. Ей было страшно. Мне тоже. И Джолу тоже – его глаза бешено вращались, сверкая белками. И мне было страшно. Хуже того, я до безумия хотел в туалет.

Я окинул взглядом наших мучителей. До сих пор я избегал на них смотреть – точно так же мы боимся заглядывать в темный шкаф, где напридумывали себе чудовище. А вдруг окажется, что оно не выдумка? Лучше не смотреть.

Но надо было получше присмотреться к этим мерзавцам, которые нас похитили. Кто они? Террористы? Я понятия не имел, как выглядят террористы, хотя телевизор услужливо

подсовывал нам картинку смуглых арабских бородачей в вязаных шапках и длинных хлопчатых балахонах.

Но наши тюремщики на эту картинку не походили. Они с легкостью могли бы выступать на разогреве зрителей перед Суперкубом. В них было что-то бесспорно американское – я даже не смог бы определить, почему так решил. Квадратные подбородки, короткие аккуратные стрижки, но не военного фасона. Среди них были и белые, и темнокожие, и мужчины, и женщины, они сидели в дальнем конце фургона, улыбались друг другу, перешучивались и пили кофе из бумажных стаканчиков. Больше похожи на туристов из Небраски, чем на афганских бандитов.

Я впился взглядом в одну из них – молодую белую девушку с каштановыми волосами, на вид ненамного старше меня, довольно симпатичную даже в старомодном деловом костюме. Если долго смотреть на человека, он в конце концов взглянет на вас. Так и случилось. Ее лицо сразу стало другим – бесстрастным, даже механическим, как у робота. И улыбка мгновенно погасла.

– Привет, – сказал я. – Понятия не имею, что тут происходит, но, слушай, мне очень надо отлить.

Она смотрела сквозь меня, будто не слышала.

– Я серьезно. Если срочно не доберусь до сортира, выйдет очень неловко. И запах тут будет соответствующий.

Она обернулась к коллегам, тихо посоветовалась с троими из них – сквозь шум компьютерных вентиляторов я не расслышал ни слова.

Потом обернулась ко мне.

– Потерпи еще минут десять, и каждого из вас выведут облегчиться.

– Вряд ли я продержусь еще десять минут. – Я вложил в голос чуть больше беспокойства, чем реально испытывал. – Я серьезно, леди, сейчас или никогда.

Она покачала головой, смерила меня высокомерным взглядом. Еще немного посоветовалась с друзьями, и вперед вышел один из них. Постарше, лет тридцати, с широкими накачанными плечами. На вид то ли кореец, то ли китаец – даже Ван не всегда может различить. Но что-то неуловимое, такое, чему я и сам вряд ли дал бы определение, выдавало в нем настоящего американца.

Он на миг распахнул спортивную куртку, показывая мне пристегнутое снаряжение. Я успел разглядеть пистолет, электрошокер и баллончик то ли со слезоточивым газом, то ли с перечным спреем.

– Только без глупостей, – сказал он.

– Без глупостей, – подтвердил я.

Он коснулся чего-то на поясе, и с меня свалились наручники. Руки за спиной бессильно обвисли. Похоже, у него было что-то из арсенала Бэтмена – дистанционное управление наручниками! Пожалуй, это имело смысл: ведь иначе, когда наклонишься над пленником, весь этот смертоносный комплект окажется у него перед глазами, и он сможет зубами выхватить у тебя пистолет и языком нажать на спусковой крючок – или что-то в этом роде.

Руки у меня остались связаны пластиковыми стяжками. До этого я практически висел на наручниках; когда их расстегнули, я, лишившись опоры, вдруг обнаружил, что ноги стали как ватные. Я завалился лицом вниз, с трудом затрепыхал ногами – их кололо как иголками, – тщетно пытаюсь встать.

Охранник рывком поставил меня на ноги, и я клоунской походкой заковылял в самый дальний угол фургона, к тесной кабинке переносного туалета. Попытался разглядеть Дэррила. Им мог оказаться любой из пятерых или шестерых скорчившихся пленников – или никто из них.

– Входи, – скомандовал охранник.

– Руки мне развяжите, – попросил я. После долгих часов в пластиковых стяжках пальцы посинели и раздулись, как сосиски.

Он не шелохнулся.

– Послушайте, – заговорил я, стараясь, чтобы в голосе не звучало ни тени сарказма или злости – а это было нелегко. – Либо вы освободите мне руки, либо вам придется мне помочь. Без рук сходить в туалет невозможно.

Кто-то в грузовике хохотнул. У охранника заходили желваки – он меня охотно прибил бы. Ну и отморозки они тут.

Он снял с пояса аккуратный мультиинструмент, раскрыл зловещего вида ножик и перерезал стяжки. Я пошевелил руками и сказал:

– Спасибо.

Он втолкнул меня в кабинку. Руки онемели, стали как глиняные. Я с трудом пошевелил пальцами – их сначала закололо, потом нахлынула жгучая боль, от которой я чуть не вскрикнул. Опустил сиденье, стянул штаны, сел. Боялся, что на ногах не удержусь.

Вместе с мочой на волю хлынули слезы. Я беззвучно плакал, раскачиваясь взад-вперед, заливаясь слезами и соплями. Зажал рот руками, чтобы не разрыдаться в голос. Они там, за дверью, не услышат ни звука – я не доставлю им этого удовольствия.

Наконец я опорожнился и выплакался. Охранник уже колотил в дверь. Я, как сумел, вытер лицо туалетной бумагой, бросил ее в унитаз и спустил воду. Потом огляделся, ища раковину, но обнаружил лишь большую бутылку дезинфицирующего средства с прищипленным листком, на котором перечислялся состав. Протер этим средством ладони, вышел из кабинки.

– Чем ты там занимался? – спросил охранник.

– Использовал по назначению, – ответил я.

Он повернул меня спиной, схватил за руки и стянул их свежими наручниками. На руках еще держалась опухоль после первой пары, и новые стяжки жестоко впились в раздраженную кожу, но я не издал ни звука. Пусть не злорадствует.

Он приковал меня обратно на то же место и подхватил следующего пленника – это был Джолу. Его лицо распухло, на щеке темнел синяк.

– Что с тобой? – спросил я, и мой новый знакомый с бэтменским поясом положил руку мне на лоб и резко толкнул. Я ударился затылком о металлическую стену фургона, и она зазвенела, словно старинные часы, пробившие час.

– Не болтать, – велел он, пока я приходил в себя.

Терпеть их всех не могу. Я уже тогда решил, что они мне поплатятся за все эти издевательства.

Пленников одного за другим уводили в кабинку, потом возвращали, и, когда все перебивали там, охранник вернулся к своим приятелям выпить кофе. Они наливали себе из большого картонного контейнера с эмблемой «Старбакс» и болтали, видимо, о чем-то забавном – оттуда то и дело доносились взрывы хохота.

Потом задняя дверь фургона распахнулась, и потянуло свежим воздухом – не дымным, как раньше, а с терпким запахом озона. Пока дверь не захлопнулась, я успел разглядеть, что снаружи уже стемнело и идет дождь – извечная сан-францисская изморось пополам с туманом.

Человек, вошедший в грузовик, был в военном мундире. Американском. Он по-уставному отдал честь охранникам без знаков различия, они ответили ему тем же, и я понял, что мои похитители отнюдь не террористы. Меня взяли в плен Соединенные Штаты Америки.

* * *

В задней части фургона повесили небольшую шторку и стали допрашивать по одному. Приходили, отстегивали, отводили за шторку. Я мысленно отсчитывал секунды – раз гиппо-

потам, два гиппопотам, – и получалось, что беседы длились минут по семь. В голове гудело от обезвоживания и нехватки кофеина.

Меня допрашивали третьим. За мной пришла женщина с очень короткой стрижкой. Вид у нее был усталый, под глазами темнели круги, в уголках рта залегли суровые складки.

Она растянула мне наручники дистанционным пультом и поставила на ноги.

– Спасибо, – машинально поблагодарил я. Обругал себя за эту автоматическую вежливость, но поделать ничего не мог – с годами она въелась в меня до мозга костей.

В ее лице не дрогнул ни один мускул. Она провела меня перед собой в дальний конец грузовика, втокнула за ширму. Там стоял единственный складной стул, и я плюхнулся на него. Со своих эргономичных кресел на меня взирали двое – стриженная дама и тот самый качок с бэтменским поясом.

Перед ними стоял столик, и на нем было разложено все содержимое моего бумажника и рюкзака.

– Здравствуй, Маркус, – начала стриженная. – У нас к тебе есть несколько вопросов.

– Я нахожусь под арестом? – поинтересовался я. Вопрос был не праздный. Если вы не под арестом, то существуют строгие правила насчет того, что позволено делать с вами полицейским и на что они не имеют права. Для начала им нельзя надолго задерживать вас, не предъявляя ордер на арест. Они обязаны предоставить вам право на телефонный звонок и на разговор с адвокатом. Ну с адвокатом-то я непременно поговорю, это уж точно.

– Что это значит? – Она показала мне мой телефон. На экране была картинка, которая обычно появляется, если вы пытаетесь разблокировать его, не введя правильного пароля. Признаться, картинка была грубоватая – анимированная рука, складывающая пальцы в универсальном жесте. Люблю делать свои гаджеты непохожими на других.

– Я нахожусь под арестом? – повторил я. Если я не арестован, то имею полное право не отвечать на их вопросы. А если спрашиваю, арестован ли я, они обязаны ответить. Таковы правила.

– Ты задержан Департаментом внутренней безопасности, – отчеканила стриженная.

– Я нахожусь под арестом?

– Маркус, с этой минуты тебе следует быть более сговорчивым. – Она не добавила «а не то», но это отчетливо подразумевалось.

– Я бы хотел поговорить с адвокатом, – заявил я. – Хотел бы знать, в чем меня обвиняют. Хотел бы увидеть ваши удостоверения личности.

Агенты переглянулись.

– Я считаю, ты должен в корне пересмотреть свой подход к этой ситуации, – сказала стриженная. – И сделать это сейчас же. Мы нашли у тебя множество подозрительных устройств. Захватили тебя и твоих подельников возле эпицентра самой жестокой террористической атаки за всю историю страны. Сложи эти два факта, Маркус, и поймешь, что твои дела плохи. Если не станешь сговорчивее, то очень сильно пожалеешь. Итак, продолжим. Что это означает?

– Вы считаете меня террористом? Мне всего семнадцать лет!

– Самый подходящий возраст. «Аль-Каида»¹ любит вербовать сторонников среди впечатлительных, идеалистически настроенных молодых людей. Знаешь, мы погуглили про тебя. Ты выкладываешь в общий доступ интернета очень много отвратительных вещей.

– Я бы хотел поговорить с адвокатом, – повторил я.

Стриженная посмотрела на меня как на букашку.

– Ты находишься под ложным впечатлением, что тебя арестовала полиция за некие правонарушения. Выбрось эти мысли из головы. Ты задержан правительством Соединенных Штатов как возможный участник боевых действий на стороне противника. Я на твоём месте очень

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

серьезно задумалась бы о том, как убедить нас, что ты не сражаешься на стороне врага. Очень серьезно. Потому что вражеские боевики могут исчезать. Они проваливаются в очень, очень глубокие темные скважины, и в одну из таких скважин можешь провалиться и ты. И исчезнешь там. Навсегда. Ты слушаешь меня, молодой человек? Немедленно разблокируй телефон и расшифруй файлы в его памяти. И изволь объяснить: почему ты оказался на улице? Что тебе известно о нападении на город?

– Не собираюсь я ничего разблокировать для вас, – оскорбленно ответил я. В памяти моего телефона много такого, что я не хотел бы показывать никому. Фотографии, электронные письма, мелкие хаки и моды, которые я установил. – Это очень личное.

– У тебя есть что скрывать?

– Я имею право на личную свободу, – заявил я. – И хочу поговорить с адвокатом.

– Малыш, даю тебе последний шанс. Честным людям нечего скрывать.

– Я хочу поговорить с адвокатом.

Папе и маме такая беседа влетит в копеечку. Но из справочных систем на разных сайтах я прекрасно знал, как себя вести, если меня задержат. Что бы мне ни говорили и о чем бы ни спрашивали, надо снова и снова твердить о встрече с адвокатом. А в его отсутствие держать язык за зубами, иначе ничем хорошим это не кончится. Эти двое утверждают, что они не полицейские, но если это не арест, то что же тогда такое?

Потом, задним числом, я не раз пожалел, что не разблокировал тогда мобильник.

Глава 4

Меня снова заковали, надели мешок и вернули на место. Через очень долгое время грузовик снова тронулся в путь, под уклон. И тогда меня опять подняли на ноги. Я сразу упал. Ноги затекли и стали как ледышки – кроме коленей, я простоял на них много часов, и они, наоборот, распухли и болели.

Чьи-то руки подхватили меня за плечи и за ноги, поволокли, как мешок с картошкой. Вокруг раздавались невнятные голоса. Кто-то плакал, кто-то чертыхался.

Несли меня недолго, потом опустили и снова приковали к какой-то железяке. Колени по-прежнему нестерпимо болели, я завалился вперед и, свернувшись калачиком, бессильно повис на натянутых цепях наручников.

Потом мы снова тронулись в путь, и на сей раз, кажется, не в грузовике. Ощущения были другие. Пол подо мной мягко покачивался и вибрировал, где-то внизу работали мощные дизельные двигатели. Это корабль! Я похолодел. Меня увозят с берегов Америки черт знает куда! До этого мне тоже было страшно, но сейчас я просто онемел и оцепенел от неимоверного ужаса. Я понял, что, может быть, никогда больше не увижу свой город, дом, маму и папу, и стало так тошно, что чуть взаправду не вырвало. Мешок на голове словно стиснулся плотнее, не давая дышать, а от неестественной скрюченной позы было еще хуже.

Но, к счастью, путь по воде продлился не слишком долго. Мне тогда показалось, что прошел час, но теперь-то я знаю, что миновало всего минут пятнадцать, не больше. Двигатели сбавили обороты, судно подошло к причалу. По палубе застучали шаги, я услышал, как других пленников отстегивают и уводят или уносят. Когда пришли за мной, я попытался встать, но не смог, и меня опять понесли – грубо, бесцеремонно, будто ненужную вещь.

Потом мешок сняли, и я увидел, что очутился в тюремной камере.

Камера была старая, обшарпанная, в ней пахло морем. Высоко под потолком имелось единственное окошко, закрытое ржавой решеткой. Снаружи еще не рассвело. На полу валялось одеяло, к стене был приделан маленький металлический унитаз без сиденья. Охранник, снявший с меня мешок, ухмыльнулся и вышел, захлопнув за собой тяжелую стальную дверь.

Я осторожно помассировал ноги. К ним медленно, с болью, возвращалась кровь. Руки тоже постепенно оживали. Наконец я кое-как сумел встать, а потом и пройтись. Из соседних камер доносились голоса. Люди разговаривали, плакали, кричали. Я тоже присоединился к общему гаму:

– Джолу! Дэррил! Ванесса!

Мой крик разлетелся по всему тюремному блоку. Его подхватили другие голоса, кто-то окликал по имени своих друзей, кто-то ругался на чем свет стоит. Голоса тех, кто был ближе всех, звучали как бубнеж выживших из ума пьянчуг на уличном углу. Может, мой голос слышался точно так же.

Охрана застучала в двери камер, приказывая замолчать, но после этого гвалт только усилился. Мы вопили, орали до хрипоты, раздирали глотки. А что? Что нам теперь терять?

* * *

Когда меня опять вызвали на допрос, я еле доплелся. Мечтал о горячей ванне, хотел есть, пить и отдохнуть. За мной явилась все та же короткостриженная дама, а с ней три здоровяка – один чернокожий, двое белых, хотя один смахивал на латиноса. Они швыряли и пихали меня, как ненужную тряпку. И у всех четверых были пистолеты. Наверно, со стороны это походило на «Контр-страйк» на фоне рекламной картинки «Бенеттона».

Меня вывели из камеры, сковали по рукам и ногам. На ходу я старался внимательно смотреть по сторонам. Услышал снаружи шум прибоя и подумал, что мы, может быть, в Алькатрасе – это как-никак тюрьма, хотя и давным-давно превращенная в туристическую достопримечательность, куда приходят, чтобы посмотреть, в каких местах коротали свои дни Аль Капоне и другие гангстеры тех времен. Но в Алькатрасе я бывал на школьной экскурсии и помню это здание – допотопное, ветхое, разъеденное морскими ветрами. А эта тюрьма тоже не новая, но построена скорее в годы Второй мировой войны, а не в колониальную эпоху.

На дверях всех камер были номера и наклейки со штрих-кодами, отпечатанными на лазерном принтере, но больше никакой информации, по которой можно было бы понять, кто находится внутри.

Комната для допросов была обставлена по последнему слову техники. Флуоресцентные лампы, эргономичные кресла – не для меня, естественно, мне достался складной садовый стульчик – и большой деревянный стол из тех, за какими директора проводят совещания. Одна стена была зеркальная, точь-в-точь как в полицейских фильмах, – должно быть, кто-то невидимый стоит сейчас в соседней комнате и наблюдает за ходом допроса. Стриженная дама и ее приятели налили себе кофе из контейнера на боковом столике – ради глотка кофе я был готов перегрызть ей горло, – а для меня поставили пенопластовый стаканчик с водой. Но руки оставили связанными за спиной, так что дотянуться до него я все равно не мог. Мол, пусть помучается. Отменное чувство юмора.

– Здравствуй, Маркус, – приветствовала меня стриженная. – Ну что, ты успел подумать над своим поведением?

Я ничего не ответил.

– Знаешь, все, что с тобой случилось до сих пор, это еще цветочки, – продолжала она. – А дальше будет только хуже. Твоя спокойная жизнь закончилась. Даже если ты сообщишь нам все, что мы хотим узнать, даже если сумеешь убедить нас, что просто очутился не в том месте и не в то время, мы все равно возьмем тебя на заметку. Будем следить за тобой повсюду, куда бы ты ни пошел, чем бы ни занялся. Ты ведешь себя так, словно тебе есть что скрывать, и это нам не нравится.

Стыдно об этом вспоминать, но мой разум цепко ухватился за фразу «убедить нас, что просто очутился не в том месте и не в то время». Ничего хуже этого со мной еще никогда не случалось. И никогда прежде мне не было так плохо и так страшно. Эти слова – «не в том месте и не в то время» – казались мне спасательным кругом, который поможет мне не утонуть в бездонной пучине.

– Эй, Маркус! – Она прищелкнула пальцами у меня перед лицом. – Ты здесь? – На ее губах играла ехидная улыбка, и я презирал себя за то, что выказал перед ней свой страх. – Маркус, твои дела могут пойти намного хуже. Это еще далеко не самое страшное из мест, куда мы могли бы тебя поместить.

Она извлекла из-под стола портфель. Раскрыла, вытащила оттуда мой мобильник, устройство для клонирования радиомаячков, радиопеленгатор, флешки. Не торопясь разложила все это богатство на столе.

– Нам от тебя нужно вот что. Сегодня ты разблокируешь для нас телефон. В этом случае тебя ждут некоторые послабления. Мы дадим тебе возможность помыться под горячим душем и погулять во дворе. Завтра мы снова приведем тебя сюда и попросим расшифровать данные на этих картах памяти. Сделаешь это – получишь полноценный обед в столовой. На следующий день ты сообщишь нам пароль от электронной почты, и за это тебе будет разрешено пользоваться библиотекой.

Меня так и подмывало ответить: «Нет», но я не смог произнести это слово. Вместо него выдал:

– Почему?

– Хотим убедиться, что ты тот, за кого себя выдаешь. Это делается ради твоей же безопасности, Маркус. Предположим, ты ни в нем не виновен. Может быть, так оно и есть, но все же мне трудно понять, почему ни в чем не повинный человек хочет столь многое от нас скрыть. Но все же предположим это. Ведь ты и сам мог оказаться на том мосту, когда произошел взрыв. Там могли проезжать твои родители. Твои друзья. Разве не хочешь помочь нам поймать злоумышленников, покусившихся на твой дом?

Странное дело: когда она заговорила обо всех этих поблажках, я со страху чуть было не поддался. Мне почему-то стало казаться, что я очутился здесь неспроста, может быть, я и в самом деле что-то натворил и теперь должен хоть частично загладить свою вину.

Но как только она понесла этот бред насчет безопасности, ко мне вернулось самообладание.

– Уважаемая, – сказал я, – вы вещаете о каких-то нападениях на мой дом, но до сего момента единственная, кто на меня действительно напал, это вы. Мне казалось, я живу в стране, где главенствует Конституция. В стране, где у меня есть права. А по-вашему получается, что ради защиты моей свободы надо разорвать в клочки основной закон страны!

По ее лицу промелькнула тень раздражения, но тотчас же исчезла.

– Не надо мелодрамы, Маркус. Никто на тебя не нападает. Ты задержан правительством США на время проведения расследования. Мы изучаем подробности сильнейшей террористической атаки за всю нашу историю. В твоих силах помочь нам одержать победу над врагами нашей страны. Хочешь сохранить Конституцию в действии? Помогите нам поймать негодяев, взорвавших наш город. Итак, даю тебе ровно тридцать секунд. Разблокируй свой телефон, иначе тебя отведут обратно в камеру. Нам сегодня еще многих надо допросить.

Она посмотрела на часы. Я тряхнул кистями, погремел наручниками, мешавшими мне дотянуться до мобильного и разблокировать его. Да, я решился на это. Она показала мне, где пролегает путь на свободу – в открытый мир, домой, к маме и папе, – и тем самым подарила надежду. А потом пригрозила отослать меня в камеру, столкнуть с этого пути, моя надежда рухнула, и в голове вертелась только одна мысль – вернуть ее обратно.

Так что я гремел наручниками, силясь дотянуться до мобильного и разблокировать его, а она лишь сверлила меня ледяным взглядом и посматривала на часы.

– Пароль, – сказал я, наконец-то сообразив, чего она от меня добивается. Чтобы я произнес этот пароль вслух, здесь и сейчас, в присутствии ее коллег, и она могла бы внести его в протокол допроса. Ей мало было, чтобы я просто разблокировал телефон. Она хотела, чтобы я сдался. Признал ее превосходство. Выдал все свои секреты, все самые сокровенные подробности. – Пароль, – повторил я – и назвал ей этот пароль. Помилуй меня господи, я поддался-таки ее воле.

Ее губы растянулись в холодной улыбке – видимо, таким было у нее проявление триумфа. Охранники увели меня. Когда дверь закрывалась, я успел заметить, как она склонилась над телефоном и нажимает кнопки, вводя пароль.

Хотел бы я сказать, что заранее предвидел такой исход событий и создал фальшивый пароль, который отпирает самый безобидный и ненужный раздел. Но нет. Я, к сожалению, не настолько предусмотрителен и не настолько хитер.

Вам наверняка стало интересно, какие такие сокровенные тайны я храню у себя в телефоне, на флешках и в электронной почте. Что за секреты у обыкновенного пацана?

По правде сказать, особых секретов у меня нет, и в то же время их очень много. Изучив мой мобильник и флешки, вы узнаете, с кем я дружу, что думаю о своих друзьях, как мы вместе оттягиваемся и прикалываемся. Прочтете расшифровку всех наших электронных споров и электронных примирений.

Дело в том, что я никогда ничего не удаляю. А какой в этом смысл? Пространство для хранения стоит недорого, и мало ли когда мне вдруг захочется снова просмотреть все эти

записи. Особенно воспоминания о всяких глупостях. Сидите, например, где-нибудь в метро, и поговорить не с кем, и вдруг на память приходит какая-нибудь недавняя ссора, и всплывают все гадости, которые вы кому-то наговорили. Вам наверняка тоже знакомо это чувство, правда? Но, заглянув в старые файлы, вы понимаете, что на самом деле все было не так плохо, как вам помнится. Вернуться и пролистать забытые страницы – хороший способ напомнить себе, что вы не такой паршивец, каким себя считали. Благодаря этому мы с Дэррилом ссорились и успешно мирились столько раз, что и не сосчитать.

Но и это еще не все. Я знаю, что к моему телефону имею доступ только я и больше никто. И к флешкам тоже. В этом помогает криптография – шифрование сообщений. Шифрование зиждется на строгих и суровых математических правилах, и мы с вами имеем доступ к тем же самым шифрам, которыми пользуются, например, банки и Агентство национальной безопасности. Иными словами, криптография для всех одна и та же, она открытая, общедоступная и может использоваться каждым. Потому она и распространена.

Когда ты точно знаешь, что в твоей жизни есть уголок, который принадлежит только тебе, куда не может попасть никто из посторонних, это дает потрясающее чувство свободы. Возьмем, например, наготу или отправление естественных надобностей. Каждый из нас время от времени обнажается. Каждый сидит на унитазе. И в этом нет ничего постыдного, ненормального или странного. Но если я вдруг издам указ, что отныне вы обязаны облегчаться исключительно в стеклянной витрине, установленной посреди Таймс-сквер, и при этом быть в чем мать родила?

Даже если у вас идеально сложенное тело – а многие ли могут этим похвастаться? – такая идея вряд ли придется вам по вкусу. Большинство будет громко протестовать. Или терпеть, пока не лопнут.

И не потому, что вы совершаете нечто постыдное. А потому, что это должно происходить вдали от посторонних глаз. Эта частичка жизни принадлежит только вам, и туда нет доступа никому.

И вот эту частную, только мне принадлежащую жизнь отбирали у меня кроха за крохой. Пока меня вели обратно в камеру, снова нахлынуло то самое чувство – ощущение, будто я получаю по заслугам. Всю жизнь я нарушал правила, и почти всегда это сходило мне с рук. Наверное, вот оно, торжество высшей справедливости. Мне воздается за все мои былые преступления. Как-никак я оказался на той площади именно потому, что тайком сбежал из школы.

Меня, как и было обещано, отвели в душ. И выпустили на прогулку во двор. Над головой голубел кусочек неба, в воздухе пахло морем. Похоже, это место находится где-то недалеко от залива Сан-Франциско, но определить более точно, куда меня запихнули, я не сумел. Во время прогулки других пленников не было видно, и мне быстро наскучило нарезать круги по двору. Я напрягал уши, стараясь уловить хоть какой-нибудь звук, который подскажет, что это за место, но слышал лишь шум изредка проезжающих машин, обрывки далеких разговоров, гул самолета, идущего на посадку где-то неподалеку.

Потом меня вернули в камеру, принесли на обед полпирога с колбасой пеперони из пиццерии «Гоут-Хилл», что недалеко от моего дома в Потреро-Хилл. Я ее хорошо знал и не раз покупал там пиццу. Коробка со знакомой картинкой и телефонным номером, начинавшимся на 415, навела на грустные мысли о том, что еще вчера я был свободным человеком и жил в свободной стране, а теперь сижу за решеткой. Из головы не шла тревога за Дэррила и беспокойство за остальных друзей. Может, они оказались более сговорчивыми и их уже отпустили. Может, они уже обо всем рассказали моим маме и папе и те уже лихорадочно называют во все концы, разыскивая меня.

А может быть, и нет.

В камере было пусто и тоскливо, как у меня на душе. Я напридумывал себе, что стена напротив койки – это экран, и я взламываю эту систему, открываю дверь камеры. Представил

себе свой рабочий стол с выставленными на нем моими изобретениями – тут и сварганенная из консервных банок акустическая система с объемным звуком, и воздушный змей с камерой для аэрофотосъемки, и собранный своими руками ноутбук.

Я мечтал выбраться отсюда. Мечтал уйти домой, встретиться с друзьями, пойти в школу, обнять маму и папу, вернуть свою прежнюю жизнь. Мечтал иметь возможность пойти куда захочу, а не снова и снова и снова мерить шагами тесную камеру.

* * *

Потом у меня выпытали пароль к USB-флешкам. На них были записаны кое-какие интересные выступления на онлайн-форумах, записи из разговорных чатов – в общем, советы по самым разным темам, которыми со мной щедро делились знающие люди. Без их помощи я не смог бы сделать всего того, что было сделано. Там, разумеется, не содержалось ничего такого, чего нельзя было бы просто наугад угадать, но вряд ли этот факт будет засчитан в мою пользу.

В тот день меня опять вывели на прогулку, и на этот раз я был не один. Во дворе гуляли еще несколько человек – четверо парней и две женщины разных возрастов и расовой принадлежности. Видимо, многие тут делают всё что приказано, лишь бы заработать эти «послабления».

На прогулку мне выделили полчаса, и я попытался завязать разговор с узником, который показался мне наиболее нормальным из всех, – чернокожим парнем примерно моих лет с короткой стрижкой афро. Я представился, протянул руку, но он лишь указал взглядом на видеокамеры, зловеще взиравшие на нас из углов двора, и продолжил шагать с каменным лицом.

Но вдруг, за миг до того, как меня окликнули по имени и повели обратно в камеру, дверь распахнулась и во двор вышла... Ванесса! Как же приятно было увидеть дружеское лицо! Вид у нее было усталый и недовольный, но не истерзанный. Заметив меня, она вскрикнула: «Маркус!» – и подбежала. Мы крепко обнялись, и меня пробила крупная дрожь. Потом я почувствовал, что ее тоже трясет.

– Как ты? – спросила она, отстранившись на вытянутую руку.

– Ничего, – ответил я. – Мне сказали, что отпустят, если я выдам свои пароли.

– А меня без конца расспрашивают о тебе и о Дэрриле.

Громкоговоритель взревел, требуя от нас прекратить болтовню и продолжать прогулку, но мы пропустили это мимо ушей.

– Отвечай им, – немедля сказал я. – Отвечай на всё, что ни спросят. Может, сумеешь выбраться.

– А как Дэррил и Джолу?

– Я их не видел.

Дверь с грохотом распахнулась, оттуда вывалились четверо здоровенных дуболомов. Двое схватили меня, двое – Ванессу. Меня швырнули на землю, отвернули голову в другую сторону от Ванессы. Судя по звукам, с ней обошлись так же. На руках защелкнулись пластиковые стяжки. Меня поставили на ноги и потащили обратно в камеру.

Вечером меня оставили без ужина. Наутро не принесли завтрака. Никто за мной не пришел, не повел в комнату для допросов, чтобы выпытать еще какие-нибудь мои секреты. Никто не снял пластиковые наручники. Плечи сначала горели огнем, потом стали тупо ныть, потом онемели, потом опять запольхали. Рук я давно уже не чувствовал.

И мне очень хотелось в туалет. Очень, очень. А штаны расстегнуть я не мог.

Я обмочился.

После этого, когда моча уже остыла и холодные джинсы, и без того грязные, прилипли к ногам, за мной пришли. Пришли и повели по длинному коридору, где с обеих сторон тянулись двери, и на каждой двери был штрих-код, и за каждым штрих-кодом скрывался несчастный узник, такой же как я. Меня долго вели по закоулкам и втокнули в комнату для допросов. Войдя туда, я словно очутился на другой планете – в безмятежном мире, где все идет как положено, где ни от кого не несет мочой. А я, грязный и вонючий, стоял, сгорая от стыда, и на меня снова нахлынуло то же самое чувство – будто я получаю по за- слугам.

Стриженная дама уже сидела на своем месте. Выглядела она идеально: аккуратная укладка, чуть-чуть косметики. До меня долетал запах ее парикмахерского средства. Она поглядела на меня и наморщила носик. Я был готов провалиться сквозь землю.

– Ай-яй-яй, как не стыдно. Такой большой мальчик – и так плохо себя ведет.

Сгорая от стыда, я тупо уставился на стол. Не было сил поднять глаза. Хотелось только одного – поскорее сообщить ей пароль от электронной почты и исчезнуть.

– О чем вы с подругой говорили во дворе?

Я горько рассмеялся, не сводя глаз со стола.

– Сказал ей, чтобы отвечала на все ваши вопросы. Чтобы слушалась вас.

– Значит, приказы отдаешь ты?

Вся кровь бросилась мне в голову.

– Да хватит уже, – сказал я. – Мы просто вместе играли. Есть такая игра – «Харадзюку Фан Мэднесс». Я капитан команды. Мы просто школьники, а не террористы. Никаких приказов я ей не отдаю. Сказал ей, что надо честно отвечать на все ваши вопросы, и тогда мы сможем отвести от себя все подозрения и выйти отсюда.

Она ничего не ответила.

– Что с Дэррилом? – спросил я.

– С кем?

– С Дэррилом. Вы схватили нас вместе. Он мой друг. Его пырнули ножом на станции «Пауэлл-стрит». Потому мы и вышли из метро на поверхность. Чтобы позвать кого-нибудь на помощь ему.

– Уверена, с ним все хорошо, – ответила она.

У меня внутри все перевернулось.

– Значит, вы даже не знаете? Он не тут, не у вас?

– Мы не собираемся с тобой обсуждать, кто тут у нас, а кто не у нас. Это не твоего ума дело. Маркус, ты уже убедился, что с нами лучше сотрудничать, чем спорить. Видел, что случается, если ты не подчиняешься нашим приказам. Раньше ты был более сговорчив, и это сильно приблизило тебя к моменту, после которого мы могли бы тебя отпустить. Если хочешь, чтобы эта возможность осуществилась, продолжай отвечать на мои вопросы.

Я промолчал.

– А ты понятливый. Так-то оно лучше. А теперь назови пароль от электронной почты.

К этому я был готов. И выдал все: адрес сервера, логин, пароль. Все эти подробности не имели никакого значения. Потому что я не держу писем на сервере. Мой домашний ноутбук каждые шестьдесят секунд заходит в почтовый ящик, проверяет письма, загружает их к себе на диск и стирает с сервера. По электронному адресу они ничего не найдут – вся почта давно перекочевала ко мне домой.

Потом меня увели обратно в камеру, однако освободили руки, разрешили помыться под душем и вместо джинсов выдали пару оранжевых тюремных штанов. Они оказались мне велики, мотня болталась почти до колен, как у мексиканских братков у нас в Мишен-Дистрикте. Теперь понятно, откуда у них мода на мешковатые штаны, которые болтаются ниже задницы. Из тюряги. И таскаться в таких штанах не фасона ради, а по необходимости совсем не прикольно.

Так прошел еще один день в тюремной камере. Обшарпанные стены были сделаны из бетона, залитого поверх стальной арматуры. В соленом воздухе сталь быстро ржавеет, и сквозь зеленую краску проглядывали красно-оранжевые проплешины. Где-то там, за этим окном, мои мама и папа.

Назавтра за мной пришли опять.

– Мы целый день изучали твою почту. Пришлось изменить пароль, чтобы твой домашний компьютер не забирал ее с сервера.

Ну разумеется, в этом я не сомневался. Если вдуматься, я бы и сам так поступил.

– Теперь мы знаем о тебе, Маркус, достаточно, чтобы закрыть тебя очень, очень надолго. Все эти принадлежащие тебе предметы... – Она обвела рукой мои мелкие гаджеты. – Вместе с данными, которые мы получили из твоего телефона и с карт памяти, а также подрывные материалы, которые мы, без сомнения, найдем, если обыщем твой дом и заберем компьютер, дают основания полагать, что на свободу ты выйдешь глубоким стариком. Тебе это понятно?

Я не поверил своим ушам. Ни один судья не признает в моем барахле состава преступления. У нас все-таки существует свобода слова, а мои проделки – всего лишь технологические манипуляции, а никакое не преступление.

Но разве эти отморожки допустят, чтобы я предстал перед судом?

– Мы знаем, где ты живешь, знаем, кто твои друзья. Знаем, как ты действуешь и о чем думаешь.

И тут до меня дошло. Они собираются меня отпустить. В комнате словно стало светлее. Я так обрадовался, что даже дыхание участилось.

– Мы хотим узнать только одно. Каким образом бомбы были доставлены на мост?

У меня перехватило дыхание. В комнате опять сгустился сумрак.

– Чего?

– На мосту, по всей его длине, было заложено десять зарядов. Именно заложено, а не привезено в автомобильных багажниках. Кто и как доставил их на мост?

– Чего? – оторопело повторил я.

– Маркус, даю тебе последний шанс. – Она печально покачала головой, словно ей меня искренне жаль. – До сих пор ты себя вел просто замечательно. Скажи нам это, и тебя отпустят домой. Ты сможешь нанять адвоката, который будет защищать тебя в суде. Наверняка найдутся смягчающие обстоятельства, которыми ты сможешь объяснить свои поступки. Только скажи нам это, и будешь свободен.

– Да я вообще не понимаю, о чем вы говорите! – У меня из глаз хлынули слезы. Я, не смущаясь, всхлипывал и рыдал в голос. – Ума не приложу, чего вы от меня хотите!

Она покачала головой.

– Маркус, прошу тебя. Мы хотим тебе помочь. Ты наверняка уже понял, что мы всегда добиваемся того, чего хотим.

В голове словно что-то щелкнуло. Да они все с ума посходили! В этом-то все и дело! Я взял себя в руки, постарался унять слезы.

– Послушайте, все это какая-то нелепость. Вы изучили все мои вещи, все файлы, знаете обо мне все. Я не террорист, я школьник, и мне всего семнадцать лет! Неужели вы всерьез...

– Маркус, разве ты еще не понял, что мы всегда предельно серьезны? – Она покачала головой. – У тебя хорошие отметки в школе. Мне казалось, ты умнее.

Она взмахнула рукой, охранники подхватили меня под руки и уволокли.

Уже в камере мне пришли в голову сотни вариантов различных ответов. Французы называют это *esprit d'escalier* – лестничная реакция, едкие остроумные ответы, которые приходят в голову, когда ты уже покинул комнату и катишься вниз по лестнице. Мысленно я произносил десятки пламенных речей, втолковывая ей, что я истинный гражданин своей страны и стою на страже свободы, и это делает меня настоящим патриотом, а ее – предательницей. Мысленно я

стыдил ее за то, что она превращает мою страну в армейский лагерь. В своем воображении я был блестящим оратором и убедительными речами довел ее до слез.

Но знаете что? На следующий день, когда меня опять притащили на допрос, все эти прекрасные слова мигом вылетели из головы. В мыслях осталось только одно – вырваться на свободу. Увидеть маму и папу.

– Здравствуй, Маркус, – произнесла стриженная. – Как ты себя чувствуешь?

Я посмотрел на стол. Перед ней лежала аккуратная стопка документов и стоял неизменный кофейный стаканчик из «Старбакса». Он даже как-то успокоил меня, напомнив, что где-то там, за стенами, по-прежнему шумит обычный реальный мир.

– Мы пока что закончили расследование касательно тебя. – Она многозначительно приоткрыла рот. Может быть, ее слова означали, что меня наконец отпустят. А может – что сбросят в шахту и забудут, что я был на свете.

– И что? – спросил я, не выдержав.

– И я хочу еще раз подчеркнуть, что мы относимся к этому вопросу крайне серьезно. Наша страна подверглась самой жестокой террористической атаке за всю свою историю. Сколько раз еще должно повториться одиннадцатое сентября, чтобы ты наконец захотел с нами сотрудничать? Детали расследования держатся в строжайшем секрете. Мы не остановимся ни перед чем в своих усилиях выявить и призвать к ответственности всех причастных к этим чудовищным преступлениям. Тебе это понятно?

– Да, – выдавил я.

– Сегодня мы отпустим тебя домой, но знай: мы взяли тебя на заметку. Отныне ты будешь под нашим неусыпным контролем. Ты не сумел доказать необоснованность наших подозрений, и мы отпускаем тебя только потому, что уже задали тебе все вопросы, какие намечались. Но в покое мы тебя не оставим. Будем наблюдать за тобой. Будем ждать, пока ты совершишь хоть один неверный шаг. Тебе ведь понятно, что мы способны не сводить с тебя глаз дено и нощно?

– Да, – опять промямлил я.

– Вот и хорошо. Ты никогда и никому не обмолвишься ни единым словом о том, что здесь происходило. Это вопрос национальной безопасности. Известно ли тебе, что за государственную измену в военное время полагается смертная казнь?

– Да, – пролепетал я.

– Вот и чудненько, – промурлыкала она. – А теперь ты должен подписать вот эти документы.

Она придвинула ко мне стопку бумаг. То тут, то там были прилеплены стикеры со словами «Подпись». Охранник расстегнул мне наручники.

Я пролистал бумаги, и голова закружилась, а в глазах заципало. Сначала я ничего не понял. В юридическом языке я не силен. Попытался разобраться в этом словесном хитросплетении – получалось, что я находился здесь по доброй воле и сознательно дал разрешение подвергать меня допросам.

– А если не подпишу? – спросил я.

Она выхватила у меня бумаги и снова привычным жестом взмахнула рукой, будто прогоняла муху. Охранники рывком поставили меня на ноги.

– Погодите! – крикнул я. – Не надо! Я все подпишу!

Меня поволокли к двери. Для меня весь мир сжался до размеров этой самой двери. Я видел только ее, мог думать только об одном – она вот-вот захлопнется у меня за спиной.

Я слетел с катушек. Рыдал горькими слезами. Умолял, чтобы мне позволили подписать эти бумаги. Свобода была так близко, и ее выдернули у меня из-под носа, поэтому я был готов сделать все что угодно. Мы все много раз слышали выражение «Я скорее умру, чем сделаю то-то и то-то», я и сам так частенько говорил. И только сейчас я в полной мере понял весь смысл этих слов. Я скорее умру, чем вернусь в свою камеру.

Меня вытащили в коридор, а я все умолял и умолял. Говорил, что подпишу все, что они попросят.

Стриженная окликнула охранников. Меня втащили обратно. Усадили за стол. Дали ручку. Я, как заведенный, ставил и ставил свою подпись под всеми до единого документами.

* * *

В камере меня ждали мои джинсы и футболка, постиранные и сложенные. От них пахло стиральным порошком. Я надел их, умылся, сел на койку и уставился в стену. У меня отобрали все. Сначала свободу и частную жизнь, потом достоинство и уважение к себе. Довели до того, что я был готов подписать все что угодно. Вплоть до признания в том, что я убил Авраама Линкольна.

Хотелось зареветь, но из глаз не выкатилось ни слезинки. Наверно, все уже выплакал.

За мной опять пришли. Охранник принес мешок, такой же, как тот, в котором меня привезли сюда. Сколько прошло с тех пор – дни, недели?

Мешок надели мне на голову и туго затянули на шее. Я снова очутился в полной темноте, в спертом застоявшемся воздухе наедине со своим дыханием. Меня поставили на ноги, повели по коридорам, по лестнице, вывели на улицу. Под ногами захрустел гравий. Заскрипели доски – вверх по сходням. Зазвенела стальная палуба. Мне завели руки за спину и приковали к поручням. Я опустил на палубу и стал прислушиваться к ровному гудению дизельных двигателей.

Корабль тронулся в путь. Соленый воздух просочился даже в мешок. Шел мелкий дождик, одежда промокла и стала тяжелой. Я наконец-то очутился под открытым небом, пусть даже с мешком на голове. Вернулся в реальный мир, и считанные мгновения отделяли меня от свободы.

За мной опять пришли, помогли спуститься с корабля на твердую землю. Ноги ступали по неровному грунту. Три металлические ступеньки вверх. Мне расковали руки, сняли с головы мешок.

Я снова очутился в кузове того же самого грузовика. И стриженная дама уже была там, сидела на своем прежнем месте за столом. Без единого слова она протянула мне застегнутый пакет, в котором лежало все, что у меня отобрали. Телефон и прочие девайсы, бумажник, горсть мелочи.

Я рассовал вещи по карманам. Как приятно было почувствовать, что все лежит на своих привычных местах, что на мне снова надеты привычные шмотки. А через заднюю дверь грузовика доносятся привычные звуки моего привычного города.

Охранник вернул мне рюкзак. Дама протянула руку. Я не взял, лишь вперился взглядом. Тогда она убрала руку, криво улыбнулась. Изобразила, будто застегивает рот на молнию, и показала пальцем на меня. Потом распахнула дверь.

Снаружи хлынул яркий свет. Стоял день, серый и дождливый. Вдаль уходил переулок, за перекрестком по дороге проносились машины, грузовики, велосипедисты. Я в оцепенении застыл на верхней ступеньке грузовика, смотрел на эту свободу и не мог насмотреться.

Колени задрожали. Я понял: они издеваются надо мной. Еще миг – и охранники схватят меня, заволокут обратно, мне опять натянут на голову мешок, погрузят на корабль и отправят в тюрьму, будут снова и снова терзать бесконечными, бессмысленными допросами. Стало так горько, что я чуть не застонал.

Поборов слабость в коленях, я пошел. Одна ступенька. Другая. Последняя. Под ногами хрустнул мусор. Его тут, в переулке, было много: битое стекло, кирпичная крошка и тому подобное. Шаг. Еще шаг. Я добрал до переулочка и ступил на тротуар.

Никто за мной не гнался.

Я свободен.

И вдруг меня обхватили сильные руки. Я чуть не зарыдал.

Глава 5

Это была Ванесса. Она плакала и обнимала меня так крепко, что аж дыхание перехватило. Ну и пусть. Я тоже обнял ее, зарылся лицом в волосы.

– Ты жив! – всхлипнула она.

– Жив и здоров, – кое-как выдавил я.

Наконец она выпустила меня, и в тот же миг я снова очутился в объятиях. Это был Джолу! Нас привезли вместе.

– Братан, ты цел! – шепнул он мне на ухо и обнял даже крепче, чем Ванесса.

Когда он отпустил меня, я огляделся.

– А где же Дэррил?

Они переглянулись.

– Может, еще в грузовике? – предположил Джолу.

Мы обернулись и посмотрели на машину в конце переулка. Это была непримечательная белая фура без опознавательных знаков. Складную лесенку уже подняли и спрятали внутри. Вспыхнули красным задние огни, и грузовик, надсадно гудя, попятился в нашу сторону.

– Стойте! – закричал я. Фура, все ускоряясь, катила прямо на нас. – Погодите! А как же Дэррил? – Грузовик приближался. А я все кричал и кричал: – Где Дэррил? Что с ним?

Джолу и Ванесса подхватили меня под руки и оттащили в сторону. Я вырывался, кричал. Грузовик задним ходом выехал из переулка на улицу, повернул и покатил под горку. Я хотел было бежать следом, но Ван и Джолу не пустили.

Я сел на тротуар, обхватил колени руками и заплакал. Плакал долго, навзрыд, горькими слезами, громко всхлипывая, как не ревел с раннего детства. И не мог остановиться. Меня била крупная дрожь.

Ванесса и Джолу поставили меня на ноги, повели. Мы добрались до автобусной остановки, они усадили меня на скамейку и сами сели рядышком. Долго сидели в обнимку, обливаясь слезами. Мы оплакивали Дэррила, потому что не надеялись увидеть его больше никогда.

* * *

Мы находились на севере Чайнатауна, там, где он постепенно переходит в Норт-Бич. Здесь сверкают неоновыми огнями бесчисленные стрип-клубы, среди них спрятался легендарный независимый книжный магазин «Сити лайтс», где в далеких пятидесятых зародилось движение бит-поэзии.

Я хорошо знал этот район. Здесь находился итальянский ресторан, куда любили ходить папа и мама, они часто брали меня туда. Я поглощал огромные тарелки лингвини и целые горы итальянского мороженого с засахаренными финиками, запивая их крохотными чашечками эспрессо убийственной крепости.

Но сейчас этот район воспринимался совсем иначе. Я впервые за долгое время – казалось, за целую вечность – с наслаждением вдохнул воздух свободы.

Мы вывернули карманы и наскребли на уличный, скрытый под матерчатым навесом столик в одном из итальянских ресторанов. Симпатичная официантка зажгла газовый обогреватель, приняла наш заказ и скрылась внутри. До чего же приятно было выбирать блюда из меню, чувствовать, что я снова могу поступать как хочу, что моя судьба снова находится в моих руках.

– Сколько мы там проторчали? – спросил я.

– Шесть дней, – ответила Ванесса.

– Я насчитал пять, – отозвался Джолу.

– А я вообще не считал.

– Что с тобой делали? – спросила Ванесса. Мне не хотелось об этом говорить, но они оба не сводили с меня выжидательных взглядов. Начав рассказ, я уже не мог остановиться. Выложил все, не утаил даже, как меня заставили нассать в штаны. Друзья слушали, не произнося ни слова. Официантка принесла нам газировку. Я дождался, пока она отойдет, и только тогда продолжил. Под конец я уже и сам не понимал: то ли привираю ради красного словца, то ли стараюсь, чтобы это звучало не так ужасно. Воспоминания плавали, как рыбки в аквариуме, я выхватывал их одно за другим, но иногда они изворачивались и выскальзывали из рук.

Джолу покачал головой.

– Ну и досталось тебе, братан.

И рассказал о своих собственных приключениях. Его допрашивали большей частью обо мне, и он отвечал без утайки, упрямо рассказывая всю правду о нашей дружбе и о том, что случилось в тот кошмарный день. Его заставляли повторять это снова и снова, однако не издевались над его рассудком так, как над моим. Его кормили в столовой с остальными пленниками, выпускали в общий зал смотреть телевизор, где по видео крутили прошлогодние блокбастеры.

История Ванессы была примерно такой же. Пообщавшись со мной, она разозлила их, у нее отобрали одежду и заставили напялить оранжевую тюремную робу. Два дня держали в камере, не давая ни с кем видеться, однако кормили регулярно. Но в основном с ней действовали как с Джолу: снова и снова повторяли одни и те же вопросы.

– Они на тебя очень сильно взъелись, – сказал Джолу. – За что? Что ты им такого сделал?

Я понятия не имел. Потом припомнилось: «Если не станешь сговорчивее, то очень сильно пожалеешь».

– Потому что в первый вечер я не разблокировал для них свой телефон. Потому меня сразу и невзлюбили. – Мне и самому трудно было в это поверить, но другого объяснения не было. Надо мной измывались чисто из жажды мщения. От этой мысли перед глазами все поплыло. Им хотелось только одного – наказать меня за непослушание.

До этого мне было очень страшно. Но сейчас я разозлился.

– Вот мерзавцы, – еле слышно выдавил я. – Поквитаться со мной хотели! За то, что посмел раскрывать рот!

Джолу выругался, а Ванесса разразилась длинным потоком слов на корейском – это случилось лишь тогда, когда она была зла как сто чертей.

– Я до них доберусь, – прошептал я, глядя в стакан с газировкой. – Они у меня поплатятся. Джолу покачал головой.

– Не доберешься, сам знаешь. На них управы нету.

* * *

Никому из нас в тот раз не хотелось говорить об отмщении. Вместо этого мы стали думать, что делать дальше. Прежде всего надо вернуться домой. Батареи в телефонах давно сели, а таксофонов в нашей округе уже давным-давно нет. Надо возвращаться как можно скорее. Я даже подумал, не взять ли такси, но на это, даже если скинуться, денег не хватало.

Так что мы пошли пешком. На углу бросили несколько монеток в газетный автомат, приобрели «Сан-Франциско Кроникл» и стали изучать передовицу. После взрывов прошло уже пять дней, но эта новость все еще не сходила с первых полос.

Стриженная тетка говорила о взорванном мосте, и я предположил, что имеется в виду мост Золотые Ворота. Оказалось, нет – террористы взметнули на воздух Бэй-Бридж, мост через Сан-Францисский залив.

– Какого черта им понадобилось взрывать именно Бэй-Бридж? – недоумевал я. – Ведь на всех открытках печатают Золотые Ворота.

Даже если вы никогда не бывали в Сан-Франциско, все равно наверняка знаете, как выглядят Золотые Ворота. Большой оранжевый мост, висящий на тросах, ведет от старинной военной базы под названием Президио в уютный пригород Саусалито, тихий виноградарский район с колоритными городками, где на каждом шагу попадаются картинные галереи, а в магазинчиках торгуют ароматическими свечами. Этот мост настолько живописен, что практически стал символом штата Калифорния. Даже у входа в калифорнийский Диснейленд установлена его точная копия, и по ней бегают монорельсовый поезд.

На мой взгляд, если уж взрывать мост в Сан-Франциско, то выбор террористов должен был пасть на Золотые Ворота.

– Испугались, наверно, – предположил Джоу. – Там же сплошные проверки. Национальная гвардия досматривает машины на обоих концах. На каждом шагу камеры, по всей длине изгороди от самоубийц, навороты всякие.

С самого первого дня, когда в 1937 году открылось движение по мосту, люди начали с его помощью сводить счеты с жизнью. В 1995 году, после тысячного случая, за числом жертв перестали следить.

– Ага, – подтвердила Ванесса. – К тому же Бэй-Бридж хоть куда-то ведет.

Бэй-Бридж идет из центра Сан-Франциско в восточные пригороды – сначала в Окленд, а оттуда в Беркли. Множество народу каждый день ездит по мосту на работу и обратно. Эти городки – единственные места на всех берегах Залива, где нормальный человек может купить себе дом, в котором хватит места хотя бы вытянуть ноги. Кроме того, там расположены Калифорнийский университет и множество предприятий легкой промышленности. Между городами под Заливом проходит линия метро, однако самую большую транспортную нагрузку все равно берет на себя Бэй-Бридж. Золотые Ворота, конечно, хороши для туристов и для богачей, ушедших на покой и поселившихся в винодельческих округах, но этот мост скорее красивая достопримечательность. А Бэй-Бридж – сан-францисская рабочая лошадка. Точнее, был ею.

Я на минуту призадумался об этом и наконец сказал:

– Ребята, вы правы. Но, по-моему, дело не только в этом. Мы упорно считаем, что террористы уничтожают самые заметные объекты просто потому, что питают к ним жгучую ненависть. А на самом деле террористам все равно, что взрывать – здания, мосты, самолеты. Они просто хотят всех запугать. Навести ужас. Это и называется террор. Именно поэтому, когда Золотые Ворота увешали камерами, а в аэропортах поставили металлоискатели и рентгеновские рамки, террористы обратили внимание на Бэй-Бридж.

Я поразмыслил об этом еще немного, безучастно глядя по сторонам. По улицам катились машины, по тротуарам спешили пешеходы – словом, кипела обычная городская жизнь.

– Самолеты и мосты террористов не колышут. Они просто хотят поселить в людях страх.

Мысль была настолько очевидная, что я диву дался, как она не приходила мне в голову раньше. Наверно, мозги шустрее заработали после того, как со мной несколько дней обращались как с террористом.

Приятеля изумленно уставились на меня.

– Ведь так, да? И вся эта дребедень, все рентгеновские рамки и сплошные проверки документов – от них никакого толку, верно?

Они медленно кивнули.

– Толку нет, а вот вреда сколько угодно. – У меня дрогнул голос. – Потому что из-за них мы очутились за решеткой, а Дэррил...

Впервые с той минуты, когда мы сидели на скамейке, я вспомнил о Дэрриле, и теперь он снова, как живой, возник у меня перед глазами. Мой друг, мой лучший друг исчез, пропал без вести. Я умолк и стиснул зубы.

– Надо рассказать родителям, – сказал Джоу.

– Надо пойти к адвокату, – добавила Ванесса.

Я представил себе, как излагаю свою историю на весь мир. Потом наверняка всплывут видеозаписи допросов, на которых я рыдаю и скулю, ползаю и умоляю о пощаде, как загнанный зверь.

– Ни в коем случае, – брякнул я не раздумывая.

– Почему? – изумилась Ван.

– Нельзя никому ничего рассказывать, – пояснил я. – Ты же слышала ту тетку. Если проболтаемся, за нами придут. И с нами будет то же, что с Дэррилом.

– Шутишь, что ли? – произнес Джолу. – Хочешь, чтобы мы...

– Хочу, чтобы мы начали ответный бой, – сказал я. – А для этого надо остаться на свободе. Если начнем распускать языки, они скажут, что, мол, мы глупые ребяташки и всё напридумывали. Мы ведь даже не знаем, где находится та дыра, в которой нас держали! Никто нам не поверит. Потом в один прекрасный день за нами придут.

Я немного помолчал и продолжил:

– Лично я расскажу родителям, что был в лагере на том берегу Залива. Мол, поехал туда, чтобы повидаться с вами, потом застрял, потому что обратной дороги не стало, и сумел выбраться только сегодня. В газетах пишут, что люди до сих пор оттуда возвращаются.

– Нет, я так не могу, – вздохнула Ванесса. – А ты? После всего, что они с тобой сделали, у тебя хватает сил строить такие планы?

– В том-то и дело: все это случилось не с кем-нибудь, а со мной. И теперь моя очередь разбираться с ними. Я до них доберусь. Вызволю Дэррила. Им это с рук не сойдет. Но если сюда будут вменены родители, пиши пропало. Никто нам не поверит и не станет заморачиваться. А если сделаем, как я предлагаю, люди не смогут остаться в стороне. Такая каша заварится!

– А что ты предлагаешь? – спросил Джолу. – Что ты задумал?

– Еще не знаю, – признался я. – Конкретных идей пока нет. Погоди хотя бы до завтра. К утру я что-нибудь придумаю.

Я понимал: если они сумеют сохранить тайну хотя бы один день, то и потом уже не проболтаются. Родители не поверят откровениям своих чад, если те «внезапно вспомнят», что несколько дней терпели побои и издевательства в секретной тюрьме, а не жили под неусыпной заботой в лагере для пострадавших от теракта.

Ван и Джолу переглянулись.

– Ребята, прошу, поверьте в меня, – воззвал я. – По дороге придумаем нашу легенду, обсудим, что и как мы будем рассказывать. Потерпите всего день, всего один день.

Они мрачно кивнули, и мы побрели под горку к нашим домам. Я жил в Потреро-Хилл, Ванесса – в Норт-Мишене, а Джолу – в Ноз-Вэлли. Эти три района совершенно непохожи друг на друга, хотя и расположены в нескольких минутах ходьбы.

Мы свернули на Маркет-стрит и остановились как вкопанные. На каждом перекрестке улица была перегорожена баррикадами. Для проезда оставили всего по одной узкой полосе. А по всей длине Маркет-стрит выстроились огромные фуры без опознавательных знаков, точно такие же, как та, в которой нас с мешками на головах везли от причала до Чайнатауна.

У каждого грузовика от задних дверей была откинута стальная лесенка в три ступени. А вокруг царил суматоха: по лесенкам то спускались, то исчезали внутри солдаты, люди в штатском, полицейские. У штатских на лацканах виднелись небольшие опознавательные значки, и на входе и выходе солдаты проводили по ним ручным сканером, считывая информацию о допуске. Проходя мимо одного такого фургона, я увидел знакомый логотип: Департамент внутренней безопасности. Солдат заметил, что я глазею, и впился подозрительным взглядом.

Я понял намек и двинулся дальше. На Ван-Несс мы с ребятами расстались. Обнялись на прощание, всплакнули и дали слово созвониться.

В Потреро-Хилл ведут два пути – легкий и тяжелый. Второй пролегает по самым крутым в городе холмам вроде тех, на которых в приключенческих фильмах снимают погони, когда

машины мчатся вверх по крутому склону, а потом с ревом взмывают в воздух и летят по небу. Я всегда хожу домой этим путем. Здесь стоят красивые викторианские дома, прозванные «разукрашенными леди» за яркую, утонченную расцветку, в палисадничках среди высокой травы благоухают цветы, с живых изгородей вас провожают взглядами домашние кошки и совсем нет бомжей.

Но сегодня тут было для меня слишком тихо. Я даже пожалел, что не пошел другим путем, через Мишен-Дистрикт. Этот путь... как бы его поточнее назвать... крикливый, что ли. Тут всегда кипит жизнь. Шатаются отпетые алкаши и наркоманы в отключке, и тут же прогуливаются мамы с колясками и добропорядочные семьи, сплетничают старушки на верандах, под оглушительную музыку проносятся приземистые тачки с мощными аудиосистемами. Бродят веселые хипстеры и печальные эмо, попадают даже толстопузые панк-рокеры старой школы с пивными животиками, выпирающими из-под футболок с портретами музыкантов группы «Дэд Кеннедис». А в придачу – дрег-квинны, воинственные гопники, перепачканные краской художники-граффитчики и растерянные владельцы недвижимости, мечтающие не расстаться с жизнью, пока их вложения подрастают в цене.

Я стал подниматься на Гоут-Хилл и прошел мимо хорошо знакомой пиццерии. Ее вид сразу напомнил о тюрьме и о пережитых мучениях. Пришлось сесть на скамейку и ждать, пока уймется дрожь в руках и ногах. Потом немного выше на холме показалась непримечательная фура с тремя железными ступеньками у задней двери. Я встал и побрел дальше. Кожей чувствовал, как за мной со всех сторон следят внимательные глаза.

Остаток пути до дома я чуть ли не пробежал. Не притормозил посмотреть ни на «разукрашенных леди», ни на сады, ни на кошек. И глаз не поднимал.

Была середина дня, но перед домом стояли обе машины – и папина, и мамина. Все правильно. Папа работает в Ист-Бэй, поэтому не может туда добраться, пока не починят мост. А мама... мало ли почему она дома.

Оказалось, они оба были дома, потому что ждали меня.

Едва я успел отпереть дверь, как ручка вырвалась у меня из пальцев и дверь распахнулась. На пороге стояли папа и мама, бледные и осунувшиеся, и смотрели на меня вытаращив глаза. На мгновение мы застыли в немой сцене, потом они кинулись ко мне на шею, чуть не сбив с ног, и втащили в дом. Оба принялись тараторить, громко и быстро, так что я не разбирал ни слова, а слышал только невразумительный галдеж, потом обняли меня, заплакали, и я заплакал тоже, и мы так и стояли там, в тесной прихожей, обливаясь слезами и изъясняясь обрывками слов, пока наконец не выдохлись и тогда побрели в кухню.

У меня есть привычка, придя домой, первым делом налить себе стакан воды из стоящего в холодильнике фильтра и выудить пару печений из «бисквитной бочки», которую сестра прислала маме из Англии. Вот и сейчас я поступил так же, и от простой обыденности этого действия сердце перестало колотиться, вошло наконец в унисон с мозгами, и мы все вместе сели за стол.

– Где ты пропадал? – хором спросили папа и мама.

Ответ на это я тщательно продумал по дороге домой.

– Застрял в Окланде. Был там с друзьями, мы занимались школьным проектом, а потом загремели на карантин.

– На целых пять дней?

– Ну да. Это было ужасно. – Я прочитал о карантине в «Кроникл» и принялся бесстыдно цитировать. – Замели всех, кто попал в облако. Кому-то пришлось в голову, что нас атаквали биологическим оружием. Потасили нас в порт и упаковали, как селедок, в какие-то контейнеры. Жара, духота, жрать нечего.

– О господи. – Отец стиснул кулаки. Он работает в Беркли, три дня в неделю преподает старшекурсникам научную организацию библиотечного дела, а в остальное время консульти-

рует по работе с архивами своих клиентов в городе и на Полуострове; в основном это интернет-компании третьей волны, сумевшие сохраниться в жесткой конкурентной борьбе. Профессия у него тихая и мирная, он библиотекарь и отличается мягкостью манер, но в шестидесятые был настоящим радикалом, а в школе занимался в борцовской секции. Я не раз видел, как он доходит до белого каления, причем, надо признаться, чаще всего доводил его я, и в таком состоянии у него всерьез едет крыша. Однажды он швырнул через весь дедушкин газон детали для детских качелей, купленные в «Икее», разъярившись за то, что при сборке они у него развалились в пятидесятый раз.

– Варвары! – с чувством произнесла мама. Она еще школьницей переехала в Америку вместе с родителями, однако до сих пор чисто по-британски возмущается, когда вынуждена иметь дело с американскими копами, системой здравоохранения, службами безопасности в аэропорту или видеть бездомных. Тогда она пускает в ход свое самое страшное ругательство – «варвары» – и произносит его с ярко выраженным британским акцентом. Мы дважды летали в Лондон в гости к ее родным, и не сказал бы, что этот город более цивилизованный, чем Сан-Франциско, а свободного пространства там еще меньше.

– Но потом нас отпустили и сегодня переправили на пароме, – на ходу сочинял я.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила мама. – Есть хочешь?

– Спать хочешь? Ты ведь у нас соня.

– Ага, есть немного. А еще Простак, Док, Чихун и Скромник. – Шутки про семь гномов – это наша семейная традиция. Они оба еле заметно улыбнулись, но в глазах еще стояли слезы. Мне их было очень жалко. Должно быть, с ума сходили от беспокойства за меня. Я ухватился за повод сменить тему. – Умираю с голоду.

– Сейчас закажу пиццу в «Гоут-Хилл», – предложил папа.

– Нет, только не это, – поспешно отозвался я. Они посмотрели на меня так, словно у меня на голове вдруг выросли марсианские антенны. Я всегда был без ума от блюд из этой пиццерии – мог поглощать их, как золотая рыбка, пока не кончится еда или не лопнет живот. Я выдавил улыбку. – Что-то не хочется пиццы. – Прозвучало неубедительно. – Давайте лучше закажем карри, а? – К счастью, в Сан-Франциско хватает ресторанов, откуда доставляют еду на дом.

Мама достала из ящика стола пачку проспектов с меню окрестных заведений – еще один признак нормальной жизни, он лег на душу, как глоток воды в больное пересохшее горло, – и пролистала их. На пару минут мы отвлеклись от наших бед и стали обсуждать, чего бы нам хотелось заказать в халяльном пакистанском ресторане на Валенсии. Я выбрал ассорти тандури-гриль, протертый шпинат с домашним сыром, соленый ласси из манго (на вкус гораздо лучше, как на слух) и жареные сладости в сахарном сиропе.

Когда заказ был сделан, снова начались расспросы. Родители, конечно, связались с семьями Ванессы, Джолу и Дэррила и попытались заявить в полицию о нашем исчезновении. Там записали наши имена, но количество заявлений об «отсутствующих гражданах», как нас изящно обозвали, оказалось так велико, что копы сказали: розыскные дела будут заведены только на тех, кто не явится домой по прошествии семи дней.

За эти дни в сети появились миллионы сайтов, на которых люди размещали объявления о своих исчезнувших близких. Были среди них несколько древних клонов MySpace, давно почивших от нехватки средств и снова воспрянувших к жизни на волне всеобщего внимания. Ведь близкие пропали даже у богатых инвесторов из зоны Залива. Может быть, если эти родственники найдутся, сайту удастся привлечь побольше капиталовложений. Я взял отцовский ноутбук и пробежался по этим сайтам. Они, конечно, были испещрены объявлениями и снимками пропавших. Почти все фотографии были сняты на выпускных вечерах, свадьбах и других мероприятиях. Аж мороз по коже.

Я нашел свою фотку. От нее шли ссылки к фотографиям Ванессы, Джолу и Дэррила. К каждому снимку прилагался небольшой бланк для записей о найденных людях и еще один –

для информации о других пропавших. Я заполнил поля на себя, Джолу и Ван, а про Дэррила оставил пустым.

– А о Дэрриле? – напомнил папа. Он недолюбливал Дэррила – однажды обнаружилось, что в одной из бутылочек у него в баре уровень сильно поубавился, а я, к своему вечному стыду, свалил это на Дэррила. На самом деле тут, конечно, потрудились мы оба: просто валяли дурака, играли всю ночь на компе и для бодрости намешали себе водку с колой.

– Его с нами не было, – ответил я. Ложь легла на язык горьким привкусом.

– Господи, – всплеснула руками мама. – Когда ты вернулся, мы-то думали, что вы были в этом лагере все вместе.

– Нет. – Одна ложь тянула за собой другую. – Нет, он должен был встретиться с нами, но так и не появился. Наверно, остался где-то в Беркли. Говорил, что поедет на метро.

Мама сдавленно всхлипнула. Папа прикрыл глаза и спросил:

– Ты разве не слышал про метро?

Я покачал головой. Только сейчас до меня постепенно стало доходить. Земля под ногами качнулась.

– Его взорвали, – ответил папа. – Одновременно с мостом.

Об этом не писали на первой полосе «Кроникл», ведь взорванное под водой метро выглядит отнюдь не так впечатляюще, как обломки моста, качающиеся на тросах над Заливом. Туннель от Эмбаркадеро до Вест-Окленда был полностью затоплен.

Я опять взял папин компьютер и пролистал заголовки. Точного числа погибших никто не знал, счет найденных жертв шел на тысячи. И их количество росло день ото дня. Люди гибли в машинах, падавших в воду с шестидесятиметровой высоты, тонули в поездах. Один из репортеров утверждал, что взял интервью у человека, промышлявшего подделкой документов, – тот якобы помог десяткам людей сделать вид, будто они исчезли после терактов, и навсегда распрощаться с прежней жизнью. Он выправлял им новые удостоверения личности, и они уходили в закат, навсегда избавившись от сварливых жен, надоевших мужей, невыплаченных долгов и прочих неприятностей.

У отца на глазах выступили слезы, мама плакала не таясь. Они опять обняли меня, похлопали по спине, словно желали убедиться, что я действительно вернулся. И без конца повторяли, что любят меня. Я отвечал, что тоже их люблю.

Так, в слезливом настроении, прошел остаток ужина. Папа с мамой выпили по два бокала вина – по их понятиям это очень много. Я, не соврав, сказал, что хочу спать, и побрел к себе. Но в постель не лег. Сначала надо было выйти в сеть и выяснить, что вообще происходит. Поговорить с Джолу и Ванессой. Взяться за поиски Дэррила.

На цыпочках я поднялся на второй этаж и открыл дверь. Моя старая добрая кровать – я не видел ее чуть ли не тысячу лет. Плюхнулся на нее, потянулся к тумбочке за ноутбуком. Должно быть, я оставил его плохо подключенным к сети – блок питания довольно хлипкий, надо его пошевелить, чтобы контакт встал как следует, – поэтому за время моего отсутствия он постепенно разряжался. Я вставил штепсель обратно в розетку, подождал пару минут, давая подзарядиться, и еще раз попробовал включить. А сам в это время разделся, выбросил шмотки в мусорное ведро – не желаю их больше видеть – и натянул чистые шорты и свежую футболку. До чего же приятно было чувствовать, как к телу прикасается чистая, свежeweыстиранная, прямо из шкафа одежда. Привычно и уютно, словно меня обнимают мама и папа.

Я включил ноутбук, взбил подушки и положил их под спину, на обычное место в изголовье. Устроился поудобнее, вытянул ноги, положил ноутбук на колени. Он все еще загружался. Черт возьми, до чего же приятно было смотреть, как по экрану медленно проплывают заставки и сообщения. Ноутбук загрузился и снова запищал, сигнализируя о низком уровне заряда. Я еще раз проверил кабель, пошевелил его, и он выпал из гнезда. Разъем питания совсем разболтался.

И самое неприятное, у меня так и не получилось заняться делом. Как только я убирал руку, сетевой кабель терял контакт и компьютер начинал требовать подзарядки. Я вздохнул и стал разбираться, что же там не так.

Весь корпус моего компьютера был собран как-то кривовато. Продольный стык спереди был узким, а сзади заметно расширился.

Бывает, смотришь на какую-то привычную штуковину, замечаешь подобные перекосы и задумываешься: может быть, оно всегда было так? И я просто никогда не обращал внимания?

Но с моим ноутбуком такого произойти не могло. Потому что я его сам собрал. Своими руками. Учебная часть снабдила нас всех скулбуками, и после этого родители и слышать не хотели о том, что мне нужен собственный компьютер. Хотя, строго говоря, скулбук мне не принадлежал и я не имел никакого права ставить туда другие программы и вообще хоть что-то в нем менять.

У меня имелись кое-какие сбережения – подрабатывал то тут, то там, откладывал все, что было подарено на Рождество и дни рождения, изредка приторговывал каким-нибудь старьем через интернет. Подсчитав это все, я понял, что смогу приобрести скрипучую развалюху пятилетней давности.

Вместо этого мы с Дэррилом решили заняться самодеятельностью. Корпуса для ноутбуков продаются точно так же, как корпуса для обычных настольных компьютеров, разве что немного различаются в зависимости от предназначения. Опыт у меня уже был – за прошлые годы мы с Дэррилом собрали пару ПК. Детали заказывали по каталогам, отыскивали на гаражных распродажах, приобретали по дешевке у тайваньских продавцов через интернет. По моим прикидкам выходило, что собрать ноутбук самому – это лучший способ получить желаемую производительность за доступную мне цену.

Сборка ноутбука начинается с приобретения «корочки» – корпуса, в котором находится минимум железа и есть все нужные слоты. Могу похвастаться, что в результате я получил машину, которая весила на полкило меньше, чем тот Dell, на который я сначала положил глаз, работала шустрее и обошлась мне примерно в треть той суммы, которую я выложил бы за Dell. Но достичь этого было непросто. Собирать ноутбук – это примерно как строить корабль в бутылке. Запихнуть все положенные детали в крохотный корпус – ювелирная работа с пинцетом в руке и увеличительными очками на носу. Ноутбук – это совсем не то, что ПК, состоящий большей частью из воздуха. Там есть где развернуться, а в ноутбуке задействован каждый кубический миллиметр. Стоит только подумать: ну вот оно, готово, наконец-то упаковал, – и вдруг оказывается, что какая-нибудь мелочь мешает закрыть крышку, и приходится все развинчивать и собирать сначала.

Так что я в точности знал, как должен выглядеть зазор на моем ноутбуке, и понимал, что в закрытом виде он должен выглядеть совсем не так.

Я еще повозился с сетевым адаптером, но это не помогало. Стало ясно: эта штука не загрузится, пока я ее не разберу. Я застонал и поставил ноутбук у кровати. Утром займусь.

* * *

Не тут-то было. Прошло два часа, а я все еще лежал, смотрел в потолок и снова и снова прокручивал в голове все, что со мной сделали, все, что мне следовало бы сделать в ответ, – словом, воплощал тот самый *esprit d'escalier*.

Я скатился с кровати. Время перевалило за полночь, и родители, как я слышал, легли в одиннадцать. Я взял ноутбук, расчистил место на столе, прицепил к оправе увеличительных очков маленькие светодиодные лампочки, извлек набор крохотных прецизионных отверток. Развинтил корпус, снял клавиатуру и внимательно всмотрелся во внутренности ноутбука. Взял баллончик со сжатым воздухом, сдул пыль, засосанную вентилятором, и присмотрелся еще раз.

Что-то было не так. Я не мог с ходу понять, что же именно, но как-никак я уже несколько месяцев не заглядывал под крышку. На мое счастье, давным-давно я сделал умную вещь: два раза я раскрывал ноутбук и безуспешно пытался закрыть, а на третий сообразил наконец сфотографировать его внутренности со всеми деталями на своих местах. Правда, ума хватило не на все: сначала я просто оставил эту фотку на жестком диске и, естественно, развинтив ноутбук, уже не мог на нее посмотреть. Наученный горьким опытом, я распечатал фотку на принтере и сунул в ящик стола, заваленный всякими ненужными бумажками вроде просроченных гарантийных талонов, старых инструкций и схем разводки. Покопался в нем – кажется, там царил еще больший бардак, чем обычно, – и отыскал фотку. Положил ее рядом с компьютером и стал сравнивать, пытаюсь понять, что же находится не на своем месте.

Вот оно! Ленточный кабель, соединявший клавиатуру с материнской платой, располагался неправильно. Странное дело. В этой части ноута нет никаких движущихся деталей, при обычной работе ничто не могло сдвинуть с места этот кабель. Я попытался вдавить его обратно и понял, что разболтанный разъем – это еще полбеды. Между разъемом и клавиатурой находилась какая-то мелкая штука. Я подхватил ее пинцетом и посветил лампочкой.

В моей клавиатуре появилась лишняя деталь. Совсем крохотная, миллиметра в полтора, без всяких обозначений. Она была подключена между клавиатурой и материнской платой. А значит, регистрировала все нажатия кнопок на клавиатуре.

Жучок!

Меня бросило в жар. Царящие в комнате сумрак и тишина уже не казались по-домашнему уютными. В них скрывались чужие глаза и уши, и все они следили за мной. Наблюдали. Постоянная слежка, под которой я находился в школе, настигла меня и дома, но теперь через плечо мне заглядывала не только учебная часть. К ней присоединился Департамент внутренней безопасности.

Сначала я хотел было вытащить жучка. Потом прикинул: те, кто его установил, сразу поймут, что прибор исчез со своего места. Так что, хоть меня и воротило, я его оставил.

Я осмотрелся, пытаюсь найти другие следы постороннего вмешательства. Ничего не увидел, но это не значит, что их нет. Кто-то проник в мою комнату, разобрал мой ноутбук, установил этот девайс и снова собрал. Вдобавок существует множество других способов поставить на компьютер прослушку. И я, скорее всего, так и не сумею ее обнаружить.

Онемевшими пальцами я снова собрал машину. На этот раз корпус защелкнулся не так, как положено, однако кабель питания остался подключенным. Я загрузил компьютер, положил руки на клавиатуру. Неплохо бы провести диагностику и посмотреть, что к чему.

Но я не смог себя заставить.

Черт возьми, может быть, вся моя комната прослушивается. Может, вот прямо сейчас за мной шпионит скрытая камера.

Страх начал терзать меня еще по дороге домой. А сейчас я прямо-таки голову потерял от ужаса. Мне казалось, я снова очутился в тюрьме, в комнате для допросов, во власти сил, полностью подчинивших меня своей воле. Я чуть не расплакался.

Узнать, есть ли прослушка, можно только одним способом.

Я пошел в ванную, снял с держателя рулон туалетной бумаги и заменил его новым. На мое счастье, прежний уже почти закончился. Смотал с трубочки остатки бумаги, покопался в коробке с запчастями и извлек пакетик, полный очень ярких светодиодных лампочек – когда-то я их повыковыривал из разбитого велосипедного фонаря. Осторожно проколол булавкой в картонной трубке несколько дырочек, продел в них проводки от лампочек, соединил их в последовательную цепь маленькими металлическими зажимами. Медной проволокой прикрутил концы провода к контактам девятивольтовой батарейки. Получилась трубка, усеянная очень яркими направленными светодиодами, и я мог поднести ее к глазу и заглянуть сквозь нее, как в подзорную трубу.

В прошлом году я соорудил такое устройство в качестве проекта для научной ярмарки и с его помощью показал, что в половине классных комнат нашей школы установлены скрытые камеры, после чего меня с этой ярмарки вытолкали в шею. В наши дни видеочамера величиной с булавочную головку стоит дешевле, чем пообедать в хорошем ресторане, потому их понатыкали где только можно. Магазианные клерки, которые понаглее, ставят их в примерочных или соляриях, а потом просматривают записи с раздетыми клиентками или даже выкладывают в интернет на всеобщее обозрение. Так что если тебе под силу соорудить детектор таких камер – а для этого всего-то нужны трубка от туалетной бумаги да мелкие детали бакса на три, – то можешь похвастаться своим благоразумием.

Такой прибор – простейший способ засечь скрытую камеру. Объективы у них крохотные, однако прекрасно отражают свет. Лучше всего это работает, когда в комнате полумрак. Глядя сквозь трубочку, медленно сканируй стены и другие места, где могут стоять камеры, пока не увидишь блик света. Если ты движешься дальше, а блик остается на месте, значит, это объектив.

В моей комнате камер не было – во всяком случае, я их не нашел. Но, возможно, были аудиожучки. Или камеры получше. Или вообще ничего. Кто посмеет назвать меня параноиком?

Я относился к этому ноутбуку с большой симпатией. Ласково называл его Винегретом – потому что он был сделан из всего понемножку.

Раз уж ты дошел до того, что придумываешь прозвище своему ноутбуку, значит, у тебя к нему действительно глубокая привязанность. А теперь мне к нему даже прикасаться не хотелось. Руки чесались выкинуть его в окно. Кто знает, что они с ним сделали? Сколько еще всякой дряни напихали туда?

Я закрыл ноутбук, сунул его в ящик тумбочки и устался в потолок. Время было позднее, пора ложиться спать. Вот только уснуть мне все равно не удастся. Меня взяли на прослушку. И возможно, не только меня, но и всех. Мир никогда уже не станет прежним.

– Я до них доберусь, – произнес я. – Не знаю как, но придумаю. – Это была клятва – я сразу понял это, хотя никогда раньше клятв не давал.

После этого мне уж точно стало не до сна. К тому же родилась идея.

Где-то в шкафу до сих пор валялась новенькая, с иголки, еще не распакованная игровая приставка Xbox Universal. Все иксбоксы продаются по цене гораздо ниже себестоимости – основную прибыль «Майкрософт» получает от компаний, предоставляя им право выпускать игры для этих приставок, – однако «Универсал» был первым иксбоксом, который они стали раздавать совершенно бесплатно.

В прошлом году перед Рождеством на каждом углу стояли бедолаги, наряженные в костюмы воинов из игры «Гало», и раздавали направо и налево пакеты с этой приставкой. Должно быть, замысел оказался удачным – говорят, на играх они заработали прорву денег. Естественно, были приняты строгие меры предосторожности, чтобы на этих приставках запускались только игры от разработчиков, купивших лицензию у «Майкрософт».

Но все эти строгие меры не смогли остановить хакеров. Первый иксбокс был взломан парнем из Массачусетского технологического – он написал об этом книгу, ставшую бестселлером. Затем пала 360-я модель, после нее недолго продержался иксбокс-портابل (он весил аж три фунта, за что народ переименовал его из «переносного» в «перевозный»). «Универсал» задумывался как неприступная крепость. А взломали его бразильские ребяташки с компьютерами на «Линуксе», старшеклассники из фавел – беднейших кварталов вроде трущоб.

Не надо недооценивать решимость детей, у которых мало денег и много свободного времени.

Когда бразильцы опубликовали свой крик, мы все словно с ума посходили. Вскоре для иксбокс-универсала состряпали несколько десятков альтернативных операционных систем.

Мне больше всех нравилась «Параноид-иксбокс», разновидность «Параноид-линукса». Система «Параноид-линукс» была разработана специально для диссидентов, например в Китае или в Сирии, и исходила из предположения, что пользователь находится под надзором правительства. Именно поэтому она старательно прячет от посторонних глаз все ваши сообщения и документы. Она даже создает целые потоки ложных сообщений, маскируя за ними ваши истинные действия. И пока вы буква за буквой получаете зашифрованное политическое послание, «Параноид-линукс» делает вид, будто вы бесцельно бродите по сети, заполняете анкеты или флиртуете в чатах. При этом лишь один из пяти сотен полученных вами символов относится к вашему реальному сообщению. Его не найти, как иголку в стогу сена.

Как только появилась система «Параноид-иксбокс», я записал ее на DVD-диск, однако так и не удосужился распаковать иксбокс, найти телевизор, к которому его можно подключить, и все такое прочее. В моей комнате и так негде повернуться, не хватало только, чтобы всякое майкрософтовское барахло занимало драгоценное рабочее пространство.

Но сегодня я пошел на такую жертву. Распаковал и запустил иксбокс – на это ушло минут двадцать. Труднее всего было обойтись без телевизора, но я вспомнил, что у меня есть небольшой жидкокристаллический проектор со стандартным, как у телевизора, разъемом типа «тюльпан». Я подключил его к иксбоксу, направил луч на заднюю сторону двери и установил «Параноид-линукс».

Система заработала, и «Параноид-линукс» сразу стал искать другие иксбокс-универсалы, чтобы подключиться к ним. В каждую такую приставку встроен беспроводной коннектор для многопользовательских игр. Вы можете связаться с соседями или выйти в интернет, если у вас есть беспроводной канал. Я отыскал в зоне доступа троих таких соседей. У двоих из них «универсалы» тоже имели выход в интернет. Это любимая конфигурация «Параноид-иксбокса» – он мог встраиваться в соседское интернет-соединение и выходить в сеть через игроков. Соседи этого даже не заметят: они выкладывают круглую сумму за то, чтобы интернет-соединение всегда имело стабильную скорость, при этом вряд ли кто-то из них интенсивно ходит по сети в два часа ночи.

Самым приятным во всем этом было ощущение того, что я снова владею ситуацией. Моя техника работает на меня, бережет, охраняет. А не шпионит за мной. Вот за что я люблю компьютерные технологии: если правильно ими пользоваться, они наделяют вас силой и оберегают личные границы.

Теперь мой мозг работал как часы. У системы «Параноид-иксбокс» множество преимуществ, и главное из них – то, что написать игры для нее может любой новичок. В ней уже есть порт для MAME – эмулятора множества аркадных машин, поэтому на приставке можно запустить все что угодно, начиная от такой древности, как Pong – игры для Apple, для Colecovision, NES, Dreamcast и много чего еще.

А еще прикольнее были крутые многопользовательские игры, написанные любителями специально для «Параноид-иксбокса», совершенно бесплатные и предназначенные для всех желающих. Сложите все это вместе – и получится, что у вас есть бесплатная консоль с бесплатными играми, дающая бесплатный доступ в интернет.

Но, с моей точки зрения, важнее всего было то, что «Параноид-иксбокс» был реально заточен под параноиков. Каждый бит проходившей через него информации был зашифрован вдоль и поперек. Подключайте к нему сколько угодно жучков, вам никогда не вычислить, кто, с кем и о чем разговаривает. Анонимная сеть, электронная почта и мессенджер. Как раз то, что мне нужно.

Осталось только доказать всем, что я найду этой системе достойное применение.

Глава 6

Хотите верьте, хотите нет, но на следующий день родители отправили меня в школу. Только в три часа утра я с трудом погрузился в беспокойный сон, а в семь отец уже стоял в ногах моей кровати и грозил стащить меня за щиколотки. Я кое-как поднялся – глаза слипались, язык не ворочался – и поплелся в ванную.

Мама запихнула в меня поджаренный хлеб с бананом. Я через силу проглотил, всей душой жалея, что родители не разрешают мне дома пить кофе. Нет, я, конечно, могу украдкой опрокинуть чашечку по дороге в школу, но смотреть, как они прихлебывают этот божественный напиток, пока я, еле волоча ноги, брожу по дому, одеваюсь и собираю учебники, было выше моих сил.

Путь до школы был мне хорошо знаком, я проделывал его тысячи раз, но сегодня все выглядело по-другому. Я шагал вверх и вниз по холмам, направляясь к Мишен-Дистрикту, и повсюду кишели грузовики. На указателях остановки виднелись новые датчики и дорожные камеры. Должно быть, у кого-то хранился изрядный запас следящего оборудования, и при первом же удобном случае его поразвешивали на каждом столбе. В качестве этого случая очень удачно подвернулась атака террористов на Бэй-Бридж.

Из-за этого весь город выглядел каким-то приунывшим. Примерно такое же чувство возникает, когда едешь в переполненном лифте, под пристальными взглядами попутчиков и вездесущих камер.

Я взбодрился чашечкой кофе в турецкой кофейне на углу Двадцать четвертой улицы. Турецкий кофе – это, строго говоря, и не кофе совсем, настолько он густой и вязкий. Ложку поставишь – стоит, а кофеина больше, чем в целой банке энергетика вроде «Ред Булл». Знаете, почему Османская империя была непобедима? Потому что обезумевшие всадники шли в бой, подогревшись убийственной дозой угольно-черного кофе. Поверьте на слово, я об этом читал в Википедии.

Я хотел было расплатиться дебетовой карточкой, но при виде ее хозяин кофейни, турок, брезгливо скривился.

– Больше никаких карт.

– Это еще почему?

Много лет я расплачивался за дозу кофеина этой карточкой. Турок без конца цеплялся ко мне, говорил, что я еще не дорос до его кофе, отказывался обслуживать в учебное время, полагая, что я прогуливаю уроки. Но за долгие годы между нами установилось некое шероховатое взаимопонимание.

Он печально покачал головой.

– Ты все равно не поймешь. Иди в школу, малыш.

Сказать, что я не пойму, – самый верный способ разжечь во мне желание разобраться в теме. Я вцепился в него как клещ, требуя разъяснений. Сначала он, кажется, был готов вышвырнуть меня вон, но, когда я спросил, устраиваю ли я его в качестве клиента, он расколотся.

– Безопасность. – Он обвел взглядом свою маленькую кофейню, банки с сушеными бобами, турецкие пряности на полках. – Правительство. В газетах писали, они теперь за каждым следят. Вчера Конгресс принял второй Закон о борьбе с терроризмом. Всякий раз, когда расплачиваешься карточкой, они следят за тобой. Я сказал – нет. Я не стану помогать им следить за моими клиентами.

У меня отвисла челюсть.

– Думаешь, это все ерунда? Если правительство узнает, где ты пьешь кофе, что тут плохого? Потому что они будут знать, где ты сейчас, где ты побывал. Думаешь, почему я уехал

из Турции? Потому что там правительство всегда шпионит за людьми. Не хочу я этого. Перебрался сюда двадцать лет назад, потому что хотел свободы. И никому не позволю эту свободу отобрать.

– Вы потеряете многих клиентов, – выпалил я. Хотел пожать ему руку, сказать, что он настоящий герой, но с языка сорвалось только это. – Сейчас почти все платят картами.

– Потеряю, но, может, не всех. Может, люди будут приходить, если узнают, что я тоже люблю свободу. Я повешу объявление. Может быть, другие магазины поступят так же. Говорят, Американский союз гражданских свобод хочет подать в суд на правительство.

– Отныне буду пить кофе только у вас, – пообещал я. И не шутил. Полез в карман за мелочью. – Только у меня денег с собой нет.

Он выпятил губы и кивнул.

– Многие так говорят. Ничего. Отдай эти деньги в АСГС.

За две минуты мы с турком сказали друг другу больше, чем за все мои прошлые визиты в его кофейню. Я и понятия не имел, какие страсти бурлят в его душе. Считал его всего лишь одним из дружественных поставщиков кофеина в округе. Теперь я пожал ему руку и, выходя на улицу, ощутил, что сражаюсь бок о бок с ним по одну сторону баррикад. Мы стали тайными союзниками.

* * *

Меня не было в школе два дня, но, кажется, я не пропустил ничего важного. В один из дней, когда город мучительно приходил в себя от пережитого потрясения, школу закрыли. А следующий день, похоже, был посвящен траурным мероприятиям по погибшим и пропавшим без вести. Газеты публиковали их биографии, воспоминания близких. Интернет наполнился тысячами некрологов.

Среди этих предполагаемых жертв числился и я. Сам я об этом даже не подозревал и не ожидал такой встречи. Раздался чей-то вопль, и вокруг столпились человек сто, хлопали меня по спине, пожимали руку. Две девчонки, с которыми я даже не был знаком, поцеловали меня, и отнюдь не по-дружески. Я почувствовал себя рок-звездой.

Учителя были ненамного сдержаннее. Мисс Галвес рыдала прямо как моя мама, три раза обняла меня и только потом разрешила сесть за парту. У входа в класс над доской появилось то, чего раньше не было. Видеокамера. Мисс Галвес поймала мой взгляд и протянула отксеренный школьный бланк с каким-то текстом.

Управление объединенного школьного района Сан-Франциско в выходные провело экстренное совещание и единогласно постановило: обратиться к родителям всех школьников города за разрешением установить во всех классах и коридорах камеры видеонаблюдения. Согласно закону, они не имели права устанавливать камеры в школе против нашей воли, однако в законе ничего не говорилось о нашем «добровольном» отказе от конституционных прав. В письме говорилось, что чиновники уверены в полной поддержке со стороны родителей. Тем детям, чьи семьи не согласятся на слежку, будет предоставлена возможность обучаться в отдельных, «незащищенных» классных комнатах.

Почему же у нас в классах повесили камеры? Ну конечно, из-за террористов. Потому что, взорвав мост, террористы указали, что следующей мишенью станут школы.

Я трижды прочитал этот текст и поднял руку.

– Да, Маркус?

– Мисс Галвес, у меня вопрос по этому документу.

– Говори, Маркус.

– Цель терроризма – запугать нас, верно? Потому он и называется терроризмом.

– Полагаю, да.

На меня устремились взгляды всего класса. Я был не из лучших учеников, однако любил затевать дискуссии на тему урока. Всем хотелось послушать, что я скажу дальше.

– Получается, мы делаем именно то, чего от нас хотят террористы? Пугаемся, вешаем камеры в классах и все такое. Выходит, они своего добились?

Раздались испуганные перешептывания. Поднялась одна рука. Это был Чарльз. Мисс Галвес вызвала его.

– Камеры в классах оберегают нашу жизнь и помогают побороть страх.

– Оберегают от чего? – спросил я, не дожидаясь разрешения.

– От терроризма, – ответил Чарльз. Остальные закивали.

– Каким же образом они нас оберегают? Если сюда прокрадется самоубийца с бомбой и взорвет нас всех...

– Мисс Галвес, Маркус нарушает школьные правила. Нам не полагается шутить об атаках террористов...

– Какие уж тут шутки?

– Благодарю вас обоих. – Вид у мисс Галвес был очень грустный. Мне стало стыдно за то, что срываю ей урок. – Я считаю эту дискуссию очень интересной, но предпочла бы отложить ее до будущих уроков. Эти вопросы еще слишком болезненны для нас, и мне не хотелось бы обсуждать их сегодня. Давайте вернемся к разговору о суфражистках.

До конца урока мы говорили о суфражистках и обсуждали изобретенную ими стратегию. Они запускали по четыре женщины в кабинет каждого члена Конгресса, и те в доступной форме объясняли ему, как скажется на его политическом будущем отказ предоставить женщинам избирательные права. В обычное время подобные темы – о том, как простые люди заставляют власть имущих вести себя честно, – мне очень интересны. Но сегодня я никак не мог сосредоточиться. Должно быть, сказывалось отсутствие Дэррила. Мы с ним оба любили обществознание и сразу после начала урока открывали скулбуки и затевали переписку, втихую обсуждая то, о чем говорилось на уроке.

Накануне ночью я записал двадцать DVD-дисков с операционной системой «Параноид-иксбокс» и взял их с собой в школу. Раздал их ребятам, которые, как я знал, были очень-очень увлечены компьютерными играми. Все они год-два назад обзавелись иксбокс-универсалами, и почти все давно забросили эти приставки. Игры для них безумно дорогие и не такие уж интересные. На переменах, за обедом или в зале самоподготовки я отводил этих ребят в сторонку и пел дифирамбы играм на «Параноид-иксбоксе». Мол, это бесплатные прикольные многопользовательские игры, которыми увлекается множество самого крутого народа со всего света.

Это называется «бритвенный бизнес» – бесплатно всучить какую-то ерунду, чтобы люди потом купили то, что ты хочешь им впарить. Так работают компании вроде «Жилетт»: раздают бесплатные станки для бритв и затем разоряют вас на лезвиях к ним. Самый яркий пример – картриджи для принтеров. Краску для них загоняют покупателям по цене в десятки раз дороже самого элитного шампанского, а оптовикам она обходится по копейке за галлон.

«Бритвенный бизнес» держится на том, что вы не можете купить «лезвия» ни у кого другого. Ведь если «Жилетт» кладет себе в карман по девять долларов с каждого проданного за десятку сменного лезвия, то, согласитесь, неплохо бы организовать конкурентное производство и продавать те же лезвия уже за пятерку. Чистая прибыль в четыреста процентов – да за такое ваш брат бизнесмен душу дьяволу продаст!

Точно таким же «бритвенным бизнесом» занимаются компании вроде «Майкрософта». Они прилагают массу усилий, чтобы осложнить или объявить вне закона любую конкуренцию в производстве «лезвий». У «Майкрософта» на каждом иксбоксе установлена защита, не дающая запустить «левую» программу, написанную независимыми разработчиками – теми, кто не отстегнул «Майкрософту» грабительскую сумму за лицензию.

Ребята, с которыми я встречался, об этом как-то не задумывались. Зато, когда я им сообщал, что эти игры никем не отслеживаются, они сразу наостряли уши. В наше время любая онлайн-игра напичкана всевозможной дрянью. Во-первых, извращенцы, которые норовят заманить тебя в какое-нибудь удаленное местечко и там дать волю своим фантазиям в духе «Молчания ягнят». Затем копы – они притворяются уступчивыми ребятами, чтобы ловить тех самых извращенцев. Но хуже всех – надзиратели, которые целыми днями только и делают, что следят за всеми нашими разговорами и стараются подловить нас на нарушении какого-нибудь пункта условий использования. Например, не кадриться, не сквернословить и вообще «не допускать явных или замаскированных высказываний, принижающих любые аспекты сексуальности и сексуальной ориентации».

Я не сексуально озабоченный, но, когда тебе семнадцать, в разговорах нет-нет да и возникает тема секса. Но упаси вас бог заикнуться об этом в геймерском чате. Весь кайф обломают. Зато игры для «Параноид-иксбокса» никто не мониторит, они написаны не компанией, а хакерами чисто для собственного развлечения.

Моим приятелям-геймерам затея понравилась. Они охотно взяли диски и пообещали записать копии для всех своих друзей – ведь все знают, что прикольнее играть со своими приятелями.

Вернувшись домой, я прочитал, что группа родителей подала в суд на руководство школы за видеокamеры в классах, однако их требование – отложить установку хотя бы до принятия судебного решения – уже отклонили.

* * *

Не знаю, кому первому пришло в голову назвать нашу сеть икснетом, но слово прижилось. Даже в автобусах слышались разговоры о ней. Ван позвонила мне и спросила, слышал ли я об этой сети. Я попросил подробностей и, услышав их, чуть не поперхнулся: диски, которые я начал раздавать на прошлой неделе, стремительно расходились по рукам. За две недели их копии добрались аж до Окленда. Мне стало не по себе: я то и дело озирался по сторонам, словно боялся, что нарушил строгие наказания, сделанные безопасниками на прощание, и теперь они явятся за мной и упрячут черт знает куда на веки вечные.

Те две недели дались мне нелегко. В метро перестали принимать оплату наличными, перейдя на бесконтактные карты с радиомаячками, которыми надо было всего лишь провести перед турникетом. Штука, конечно, удобная, но всякий раз, пользуясь ими, я понимал, что за мной следят. Кто-то опубликовал в икснете ссылку на доклад Фонда электронных рубежей о том, как подобные турникеты могут использоваться для слежки. Там же были короткие репортажи о небольших протестных пикетах на станциях метро.

Теперь я практически всегда выходил в сеть через икснет. Завел себе подставной почтовый ящик через Партию пиратов – шведскую политическую партию, выступавшую против слежки в интернете. Они клялись, что будут держать наши электронные адреса в тайне от всех, даже от полиции. Выходил я на них строго через икснет, переключаясь по интернет-соединениям соседних домов и оставаясь неузнанным, хотелось надеяться, на всем пути до самой Швеции. Я больше не пользовался ником w1n5t0n. Если уж даже Бенсон сумел меня вычислить, значит, это под силу кому угодно. Новый ник – M1k3y – я выдумал просто так. Мне стало поступать множество писем от людей, которые читали на форумах или в чатах, что я могу помочь им наладить соединение с икснетом.

А вот по «Харадзюку Фан Мэднесс» я скучал. Компания прекратила поддерживать игру, по их словам, на неопределенное время. Утверждали, что, мол, «по соображениям безопасности» они считают слишком рискованным делом прятать вещи и посылать игроков на поиски.

А если кто-то решит, что в задании речь идет о бомбе? А вдруг кто-то спрячет бомбу в том же самом месте?

А если я в грозу буду ходить под зонтиком, и в меня ударит молния? Запретить зонтики! Бороться с угрозой молний!

Я продолжал пользоваться ноутбуком, хоть и не без содрогания. Если я совсем перестану его открывать, тот, кто посадил туда жучка, наверняка заподозрит неладное. А если я буду каждый день выходить в сеть, постепенно сокращая продолжительность сеансов, они решат, что мне это просто надоедает. Читал я чаще всего некрологи по тысячам моих друзей и соседей, нашедших свою смерть на дне Залива.

Правду сказать, я и домашней работе уделял все меньше и меньше внимания. Было много других дел. Каждый день я записывал пятьдесят-шестьдесят новых дисков с «Параноид-икс-боксом» и развозил по всему городу, вручая тем, кто был готов записать еще десятков шесть и тоже раздать друзьям.

Я не очень боялся, что меня на этом засекут, потому что на моей стороне была криптография. Криптография, или тайнопись, известна с древнеримских времен. Ее большим любителем был Октавиан Август, он придумывал собственные коды, которыми мы до сих пор зашифровываем самые едкие шутки в электронных письмах.

Криптография – это математика. Чистейшая и тяжеловесная. Не стану объяснять ее вам в подробностях, потому что сам не до конца понимаю. Почитайте лучше в Википедии.

Если вкратце, то некоторые виды математических операций очень легко работают в одну сторону и очень трудно – в обратную. Нет ничего сложного в том, чтобы перемножить два больших простых числа и получить гигантское произведение. И очень, очень трудно взять это произведение и вычислить, из каких простых чисел оно получено.

А значит, если вы придумаете способ шифрования, основанный на умножении простых чисел, то расшифровать его, не зная этих чисел, будет трудно. Невероятно трудно. Даже если все существующие на Земле компьютеры включатся в непрерывную работу, на это уйдет триллион лет.

Процесс тайнописи включает в себя четыре составляющие. Первая – информация, которую надо зашифровать, специалисты называют ее «открытый текст». Вторая – конечный продукт, или «шифровка». Третья – сам шифр, или система шифрования. И главное – ключ, самый секретный компонент, который надо добавить к шифру, чтобы открытый текст стал зашифрованным.

В былые времена шифровальщики старались держать в секрете все эти компоненты. У каждой организации, у каждого правительства были собственные шифры и собственные ключи. Во время Второй мировой войны нацисты и их противники – союзные силы – держали в строгом секрете друг от друга свои способы шифрования и уж тем более ключи для расшифровки. Вроде бы они делали все правильно, так ведь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.